

Раздел I Россия на переломе

Глава 1 Годы испытаний, смуты, надежд

§1. Парадоксы социальной трансформации. Российская буржуазия в начале XX в.

Была ли Россия капиталистической страной? Насколько буржуазные традиции и институты, право, этика и мораль были органичны российской действительности, в какой степени определяли облик всего общества? Эти вопросы вызывали общественный интерес в конце XIX — начале XX вв.; они привлекали пристальное внимание и потом, когда рухнула историческая Россия и надо было объяснить происшедшую катастрофу. В острых дискуссиях о судьбе страны прежде всего обсуждалась возможность альтернативы большевизму. Существовала ли она в действительности, а если была, то что помешало ей реализоваться? Большевики-ленинцы утверждали, что их победа в октябре 1917 г. — закономерный итог общественного развития, что только они, вооруженные марксистской теорией, смогли понять чаяния большинства населения, потребности времени, спасти страну от колониальной зависимости и вывести ее на дорогу современного прогресса.

Антиподом большевистских представлений всегда являлись либеральные воззрения. Российские либералы, сторонники европоцентристских моделей развития, приверженцы политических свобод и правовых норм общественного устройства, были уверены, что победа красных радикалов — случайность, что Россия вполне созрела для создания правового государства, что лишь недальновидность царской власти, тактические ошибки отдельных государственных и общественных деятелей, невежество масс помешали стране стать свободным, демократическим государством. Причем последний тезис — «о невежестве масс» — получил распространение лишь после 1917 г., когда стали известны так называемые «эксцессы революции» и только недальновидные или просто глупые люди могли предаваться маниловским мечтаниям о возможности быстрого создания в стране «царства народной свободы и благоденствия» под руководством честных и умных «русских европейцев». Желание видеть в России порядки на манер западноевропейских проявилось в общественной жизни еще задолго до 1917 г., но лишь в XX в. оно приняло характер политической доктрины определенных социальных групп. Являлись ли эти представления исторически обусловленными?

Русский философ С.Л. Франк, уже в эмиграции размышляя о причинах триумфа большевизма, заметил: «Трудно было поверить, что массовая экспроприация крупной, а отчасти даже «мелкой» буржуазии может быть осуществлена так легко, при таком слабом сопротивлении, и, вероятно, сами круги, ее производившие, этого не ожидали. Собственников и собственнических интересов было в России очень много, но они были бессильны и были с легкостью попораны, потому что не было собственнического «миросозерцания», бескорыстной веры в святость принципа собственности». В свою очередь, другой известнейший отечественный философ Н.А. Бердяев считал, что «русскому народу всегда были чужды римские понятия о собственности. Абсолютный характер частной собственности всегда отрицался». По его убеждению, «русский народ

никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам».

С учетом процессов буржуазной трансформации, наблюдавшихся в стране и обществе с конца XIX в., подобные заключения могут показаться парадоксальными. Но эта парадоксальность отражала реальные противоречия российской действительности. Капиталистическая эволюция непосредственно затрагивала лишь малую часть населения. Значительное же большинство подданных русского царя жило в мире представлений и норм, очень далеких от прагматизма, рационализма, индивидуализма — характерных черт капиталистических общественно-экономических систем. Социальный эгоизм никогда не пользовался признанием.

Россия являлась той удивительной страной, где исстари быть бедным не считалось зазорным, где всегда больше ценились честь, доброта, христианское благочестие, преданность долгу, чем любые формы коммерческой деятельности или финансовый успех. Большие деньги не вызывали уважения, и заслужить общественное признание можно было чем угодно, только не личным обогащением. По образному выражению Марины Цветаевой, «осознание неправды денег в русской душе невытравимо». Русское национальное мироощущение (жизнепонимание) — то, что современная социология определяет понятием «менталитет», — формировалось века в русле православной духовно-нравственной традиции и было очень удалено от интересов и нужд расчетливой деловой среды. Эта атмосфера небуржуазности социального сознания делала общественное положение предпринимателя весьма ненадежным. Об антибуржуазности русского народа очень много говорили еще до революции, и некоторые политические деятели, например П.А. Столыпин, считали подобную ситуацию чрезвычайно опасной.

Но буржуазия в России являлась реальным социальным фактом, и в последние десятилетия существования монархической власти она играла весьма заметную роль не только в хозяйственной, но и в общественно-политической сфере. Однако «короли бизнеса» являлись лишь отчасти хозяевами жизни, законодателями общественной моды и общественных настроений. Да и самих предпринимателей, особенно крупных, было в России чрезвычайно мало. Но прежде чем говорить конкретно о деловых людях России, уместно прояснить некоторые исходные определения.

Категории «предприниматель», «капиталист», «буржуа» — социальные синонимы, но в российском историческом контексте подобная тождественность правомерна далеко не всегда. Выдающийся лексикограф Владимир Иванович Даль так определял эти понятия: «Капиталист — богач, у кого много денег; буржуа — среднее сословие, торговый и ремесленный люд; предприниматель — человек, предпринявший что-либо». Указанные дефиниции отражали русскую лингвистическую традицию и общественные представления середины XIX в. Лишь в конце прошлого века в литературе утверждается универсальное определение «капиталист» для характеристики тех, кто являлся владельцем средств производства, выступал носителем капиталистических отношений и творцом новой, буржуазной, реальности. Однако до самого падения монархии в России наиболее употребимым социальным титулом «капитанов бизнеса» служил термин «купец».

Это понятие появилось в российском законодательстве в XVIII в. и первоначально обозначало почти исключительно предпринимателя-торговца. По мере расширения масштабов и усложнения форм хозяйственной деятельности эта социальная группа объединила все виды предпринимательства. Вплоть до конца 90-х гг. XIX в. занятие торговлей или другим промыслом законодательно вводило в купеческое сословие. Лишь после принятия в 1898 г. закона о Государственном промысловом налоге положение изменилось. С этого времени перестала существовать прямая связь между приобретением промыслового свидетельства (право на промысел) и получением гильдейских документов. Приобретение купеческих сословных документов стало добровольным. В купеческое сословие (разделенное с 1863 г. на две гильдии) вступали, приобретая одновременно

корпоративные и промысловые свидетельства. Купечество было единственным сословием, принадлежность к которому зависела исключительно от ежегодной уплаты определенной денежной суммы.

Хотя стоимость самих гильдейских документов была сравнительно невысокой, однако вместе с платежами за промысловые свидетельства, а также с различными сопутствующими сборами общая сумма достигала весьма внушительных размеров и была доступна только состоятельным лицам. На купечество распространялись сословные права и льготы. К концу XIX в., после введения всеобщей воинской повинности и отмены подушной подати, корпоративные преимущества — право визита к императорскому двору, право ношения губернского мундира, право на получение орденов и медалей и т.д. — стали носить декоративный характер. Данные привилегии распространялись почти исключительно на купцов I гильдии, составлявших, согласно закону, «особый класс почетных людей в государстве». Состоявшие в этой корпорации не менее 12 лет могли получать «по уважению особенных заслуг в распространении торговли» звание коммерции советника, а за отличия по мануфактурной промышленности — мануфактур советника. Носители почетных званий, как и купцы, награжденные одним из орденов, или находившиеся в I гильдии не менее 20 лет, имели право на высшее городское сословное звание — потомственного почетного гражданина.

Единственным реальным преимуществом, распространявшимся с конца XIX в. на все купечество, была так называемая «паспортная льгота», избавлявшая от необходимости приписки, обязательной для лиц мещанского и крестьянского сословий. Это было важнейшим стимулом для приобретения сословных свидетельств. Лицам еврейской национальности получение купеческих свидетельств давало право на жительство вне черты оседлости. Кроме того, некоторые виды профессиональной деятельности законодательно закреплялись за определенными социальными группами. Так, должности биржевых маклеров могли занимать лица исключительно купеческого и мещанского сословий.

Купечество имело свою корпоративную организацию на местах в виде собраний выборных и сословных старшин. Три крупнейших общества — Москвы, Петербурга, Одессы — находились в ведении купеческих управ. Права и обязанности купеческих организаций были законодательно определены и их деятельность протекала под неусыпным надзором государственной власти. До конца 1905 г. они подчинялись Министерству внутренних дел, а затем — Министерству торговли и промышленности.

С самого возникновения купеческая организация являлась как бы придатком казенных ведомств, в первую очередь фискальных. В ее обязанности входило ведение гильдейского семейного учета, предоставление государственным учреждениям различного рода сведений о лицах купеческого звания и т.д. Основная же функция состояла в сборе различных взносов с сословных и промысловых свидетельств. Купеческие общества в важнейших торгово-промышленных центрах имели крупную недвижимость и капиталы, доходы от которых широко использовались для благотворительных целей. Только в распоряжении Московской купеческой управы в начале XX в. находилось 10 богаделен, 5 домов призрения, 4 училища, а общий ежегодный расход достигал почти 2 млн. рублей. Московская купеческая сословная организация была самой известной и наиболее влиятельной в России. Но постепенно время меняло облик предпринимательской среды, ее социальный портрет. Купеческое звание уже не только не являлось больше незыблемым показателем определенных промысловых занятий, но часто вообще не включало конкретного социально-экономического содержания. Многие получали гильдейские свидетельства «для звания», для достижения каких-то собственных целей, никоим образом не связанных с торгово-промышленной деятельностью. Сословные границы стирались, и российский деловой мир состоял уже из представителей всех сословий и всех групп населения.

Наиболее влиятельными в деловом мире становились организации, построенные не на сословной, а на профессиональной основе. Это были в первую очередь различные биржевые комитеты, региональные и отраслевые ассоциации предпринимателей, занятых в нефтяном, горном деле, металлообработке, в производстве и торговле льном, шерстью, лесом и лесными материалами и т.п. К числу наиболее заметных и влиятельных организаций относился Совет съездов представителей акционерных коммерческих банков, учрежденный в Петербурге в 1873 г. и объединивший банкиров Петербурга, Москвы и нескольких крупных провинциальных центров. Важная роль принадлежала и другой организации — Совету съездов горнопромышленников Юга России, учрежденному в 1874 г. в Харькове и включавшему владельцев металлургических, машиностроительных и железорудных предприятий Донбасса и Криворожья. В 1884 г. в Баку возник Совет съездов нефтепромышленников, созданный группой ведущих предпринимателей и фирм, занятых добычей, переработкой и транспортировкой нефти и нефтепродуктов. Союзы предпринимателей действовали на основании утвержденных правительством уставов, регулярно проводили свои съезды (иногда по нескольку раз в год), на которых избиралось руководство, обсуждались тарифы, налоги, рабочее законодательство и другие проблемы торговли и промышленности.

Главной организацией, объединившей в 1906 г. крупнейший российский бизнес, стал Совет съездов представителей промышленности и торговли, включивший как отдельные фирмы и банки, так и региональные и отраслевые организации. Заседания этого, как его иногда называли, «парламента русского капитала» привлекали всегда пристальное внимание прессы. На этих заседаниях непременно выступали представители центральных министерств и ведомств, а мнение «некоронованных королей России» имело большой вес при принятии правительством решений в области экономики. В реальной жизни различие между экономическими и политическими вопросами часто было довольно условным. В конечном итоге, все, что затрагивает интересы сколько-нибудь значительного числа людей, является в той или иной степени политикой. Осуществление крупного промышленного проекта, экономическое освоение новых районов, продолжительность рабочего дня, страхование от несчастных случаев и т.д. — все это были острые социальные вопросы и при их решении мнение промышленников и финансистов являлось определяющим.

Однако немалое число предпринимателей было убеждено, что власть не уделяет торгово-промышленной сфере того внимания, которого она заслуживает, что бюрократические ведомства игнорируют потребности хозяйственного развития и не допускают самих деловых людей к рычагам государственного управления. В этом была своя правда. Действительно, длительное время капиталисты в России не имели возможности воздействовать на курс государственной политики, в том числе в области торговли и промышленности. Об этом часто говорилось тогда и писалось много потом в специальных исследованиях по истории России. При этом нередко вообще замалчивался факт, что уже с конца XIX в., а уж тем более в начале XX в. положение существенно изменилось.

В высшем обществе империи менялись приоритеты, и жизнь заставляла принимать в расчет то, что еще совсем недавно игнорировалось, отдавать предпочтение тому, что еще вчера безусловно осуждалось. «Его величество капитал» и «господин купон» — жупелы дворянско-народнической литературы и публицистики — уже мало кого пугали, а капиталисты становились желанными гостями в аристократических особняках, в высоких кабинетах первых сановных лиц империи.

Великий князь Александр Михайлович (шурин Николая II) в своих воспоминаниях писал: «Выдающиеся представители петербургского общества включали в число приглашенных видных биржевиков. Офицеры гвардии, не могшие отличить до сих пор акций от облигаций, стали с увлечением обсуждать неминуемое поднятие цен на сталь. Светские денди приводили в полное недоумение книгопродавцев, покупая у них книги,

посвященные сокровенным тайнам экономической науки и истолкованию смысла ежегодных балансов акционерных обществ. Светские львицы начали с особым удовольствием представлять гостям на своих журфиксах «прославленных финансовых гениев из Одессы, заработавших столько-то миллионов на табаке».

В XX в. уже не было редкостью, когда на собраниях акционеров крупной компании присутствовали представители аристократии. Накануне первой мировой войны акционерная хроника в газетах порой напоминала репортажи со светских раутов.

Капитал объединял и заставлял сотрудничать различных по своему положению и общественному статусу людей, которые вне деловой сферы не имели никаких общих интересов. Но отмеченные тенденции лишь в малой степени ломали психологические барьеры и исторические стереотипы критического отношения к предпринимательству. Даже являясь участником капиталистической деятельности, «благородные господа» не отождествляли себя с торговцами и промышленниками как таковыми, сохраняя исконные амбиции и предрассудки. Как писал с сарказмом русский профессор-экономист И.Х. Озеров: «Русское общество в вопросе индустриализации стояло на очень низком уровне. Подальше от промышленности — это-де дело нечистое и недостойное каждого интеллигента! А вот сидеть играть в карты, попивать при этом и ругать правительство, вот настоящее занятие мыслящего интеллигента!». Получать доход от частновладельческого хозяйства, устраивать свое финансовое благополучие при помощи «акул капитализма», «парвеню» и «денежных мешков» считалось в порядке вещей, но признать их равными себе — на это русская аристократия пойти не могла.

Но несмотря на все сложности, противоречия и парадоксы социальной действительности, предпринимательство в начале XX в. продолжало развиваться и успехи были впечатляющими. Среди организационных структур капитала преобладающее значение получила акционерная ассоциация. В этот период подавляющая часть крупных российских компаний приняла форму или паевого, или акционерного общества. Такие фирмы, в отличие от единолично частновладельческих, относились к публично отчетным, обязанным регулярно обнародовать сведения о своем финансовом состоянии (в виде отчетов и балансов), проводить собрания акционеров (пайщиков), являвшиеся высшим органом таких структур. В первом десятилетии XX в. в тяжелой индустрии и некоторых других отраслях наблюдался циклический спад, перешедший затем под воздействием ряда финансовых и политических факторов в экономическую депрессию. Но в общем экономическое развитие частновладельческого хозяйства продолжалось. В начале второго десятилетия XX в. этот процесс принял характер промышленного бума, напоминавшего времена расцвета промышленности в конце 90-х гг. XIX в.

С 1901 по 1913 г. в России возникло 22 новых акционерных коммерческих банка, что составило 2/3 частных банков, учрежденных за предыдущие почти сорок лет. В 1901 г. открылось 87 акционерных компаний, в 1902 г. — 55, в 1903 г. — 51, в 1904 г. — 51, в 1905 г. — 36, в 1906 г. — 64, в 1907 г. — 90, в 1908 г. — 79, в 1909 г. — 81, в 1910 г. — 129, в 1911 г. — 165, в 1912 г. — 238, а в 1913 г. — 242. При этом ежегодно регистрировалось значительно больше акционерных фирм, но далеко не всем из них удавалось собирать необходимые капиталы. Контингент потенциальных акционеров был чрезвычайно узким.

При всех несомненных достижениях капиталистического хозяйства социальная трансформация общества происходила очень медленно. Деятельность капиталистических компаний непосредственно затрагивала интересы лишь небольшой социальной группы, включавшей представителей нескольких сотен известнейших купеческих семей, десятки дворянских родов, небольшое число лиц из инженерного корпуса и профессуры. Они составляли основной контингент держателей акций и пополняли ряды членов советов и директоратов фирм. Интересы руководителя столичного банка, директора крупной страховой, железнодорожной или промышленной компании совпадали с интересами владельца мелкой лавчонки, провинциального коммивояжера или уличного торговца

лишь теоретически. Безусловно, они все относились к тому классу, который принято было называть буржуазией, но их повседневные заботы, кругозор и коммерческие интересы находились на полярных уровнях.

Уже после крушения 1917 г. известный промышленник, член правлений ряда крупных фирм В.А. Ауэрбах писал: «Не только молодость и слабость торгово-промышленного класса обрекала его на политическую пассивность, но и отсутствие опоры в более многочисленных слоях общества... Воспринявшие заветы великого противника цивилизации многие вместе со своим учителем Л.Н. Толстым видели в торговой или промышленной прибыли «грех», а марксисты «грабеж»; и только очень и очень немногие понимали, что предприниматель творит необходимое государству дело, что он открывает новые источники народного благосостояния, что он укрепляет мощь и независимость нации. И даже те, кто это понимал, нередко относились к деятельности торговли и промышленности с некоторым осуждением». До самого конца царской России крупная индустрия, а в более широком смысле вся буржуазная цивилизация в России являлись одинокими островками в чуждом и безбрежном крестьянском мире. В России не успело сложиться сколько-нибудь устойчивого среднего слоя капиталистов, которые могли бы составить надежную социальную опору крупной частновладельческой промышленности и всего капиталистического хозяйства.

§ 2. Русско-японская война. Социальное брожение в стране. Безумие русской смуты: начало революции 1905 г.

Россия всегда играла сольную партию в «концерте мировых держав», но история ее имперской судьбы носила немало специфических черт и во многом принципиально отличалась от истории Англии или Франции. Территориальные приращения России осуществлялись веками в процессе борьбы за самовывживание, против агрессии с Юга, Запада и Востока. Россия оказалась сильнее многих своих соседей, и еще задолго до Петра I начала интегрировать в свой состав разнородные племена и обширные области. Однако Россия в общепринятом смысле никогда не была колониальной державой и тем качественно отличалась от западноевропейских империй. У нее не было метрополии как таковой: исторический центр был, а метрополии не было. Российская территориальная экспансия носила главным образом стратегический характер, диктовалась потребностями военной безопасности и государственной стабильности. Методы беспощадного разорения и ограбления завоеванных стран и народов, превращение их в экономический придаток метрополии здесь никогда не практиковались. Скажем, с конца XIX в. темпы экономического развития целого ряда окраин, так называемых «колоний», были значительно выше, чем во многих «чисто русских», исконных областях и районах (ситуация совершенно немыслимая ни для Французской, ни для Британской империй).

Существование любой империи определяется факторами, часто не поддающимися прогнозированию и регулированию правительствами. Инерция имперского мышления, имперских интересов и амбиций диктует политику, влияет на государственные решения, ведущие нередко к трагическим результатам. Государственно-политические устремления как региональных (Япония), так и мировых (Россия, Англия, Германия, США) держав определили ситуацию в северной части тихоокеанского региона в конце XIX — начале XX вв. Агрессивная, часто откровенно циничная борьба, которую они вели за сферы влияния в раздираемом внутренними противоречиями Китае, должна была, раньше или позже, окончиться военным столкновением главных фигурантов этого действия. И оно в конце концов произошло.

Россия имела обширные владения на Дальнем Востоке. Эти территории были чрезвычайно удалены от центра страны и слабо задействованы в общегосударственном хозяйственном обороте. Изменение ситуации связывалось со строительством Сибирской железнодорожной магистрали, прокладка которой началась в 1891 г. Ее намечалось

провести по южным районам Сибири с выходом к Тихому океану во Владивостоке. Общая протяженность ее от Челябинска на Урале до конечного пункта составляла около 8 тыс. километров. Это была протяженнейшая железнодорожная линия в мире.

В 1894 г. Япония начала войну против Китая за овладение Кореей, являвшейся вассальным Китаю государством. Война сразу же выявила военное и стратегическое превосходство агрессора, и в апреле 1895 г. китайское правительство подписало унижительный Симонсекский договор, предусматривавший отторжение от Китая Тайваня (Формозы), некоторых других островов и Ляодунского полуострова. Выполнение этих условий резко усилило бы мощь Японии, что не отвечало интересам европейских государств. Россия, Германия и Франция добились изменения кабальных условий, в результате чего Японии пришлось отказаться от Ляодунского полуострова, затем переданного Китаю в аренду России.

Сибирская железная дорога стала инструментом дальневосточной экспансии России. В 1896 г. русское правительство добилось от Китая концессии на прокладку восточного участка дороги по территории Маньчжурии. Этим путем достигались, как казалось в Петербурге, две цели. Во-первых, укорачивалась протяженность железнодорожного полотна и резко сокращались строительные затраты, а, во-вторых, железная дорога становилась удобным орудием утверждения российского влияния в Северном Китае и помогала не допустить внедрения в этот важный стратегический район других. Министр финансов С.Ю. Витте (1892—1903), отвечавший за железнодорожный проект, в секретной записке, составленной в 1896 г., писал: «С политической и стратегической сторон дорога эта будет иметь то значение, что она предоставит России возможность передвигать во всякое время по кратчайшему пути свои военные силы к Владивостоку и сосредоточивать их в Маньчжурии, на берегах Желтого моря и в близком расстоянии от столицы Китая. Одна возможность появления значительных русских сил в названных пунктах чрезвычайно усилит престиж и влияние России не только в Китае, но и вообще на Дальнем Востоке, и будет способствовать более тесному сближению подвластных Китаю народностей с Россией».

Россия стремилась закрепить свое военно-стратегическое преобладание в Северном Китае и Корее, чтобы не допустить утверждения там Японии, вступившей в полосу активного индустриального развития и все явственней демонстрировавшей свои экспансионистские претензии. Между Россией, Японией, Китаем, Англией, Францией, Германией в конце XIX — начале XX в. проводились постоянные консультации и совещания, на которых делались попытки изыскать приемлемую формулу сосуществования разнохарактерных интересов. В правящих кругах России относительно дальневосточной политики отчетливо обозначились две тенденции, два подхода, две партии.

К первой, условно называемой «партией силы», принадлежали: наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев, председатель Комитета министров И.Н. Дурново (1895—1903), министр внутренних дел В.К. Плеве и некоторые другие весьма высокопоставленные лица, а лидером этого направления выступал шурин императора Николая II великий князь Александр Михайлович. Эти деятели, будучи носителями традиционных имперских представлений, ратовали за проведение жесткого внешнеполитического курса в сопредельных с Россией районах, считая, что любые уступки и компромиссы вредны для престижа государства. Второе направление олицетворяли министры иностранных дел М.Н. Муравьев (1897—1900) и В.Н. Ламздорф (1900—1906), но в первую очередь министр финансов С.Ю. Витте.

Последний особенно был активен и неустанно ратовал за мирные методы разрешения противоречий и за «мягкие» формы экспансии. Глава финансового ведомства был уверен, что любой вооруженный конфликт неизбежно приведет к нежелательным материальным потерям и социальным потрясениям. Для программы хозяйственной модернизации России, тесно завязанной на иностранные займы и внешние денежные

рынки, война может стать просто убийственной. В июле — сентябре 1902 г. С.Ю. Витте совершил подробную ознакомительную поездку в Маньчжурию и представил императору обстоятельный доклад. В нем он рекомендовал для сохранения мира сделать уступки Японии в Корее, полагая, что война с Японией стала бы «большим бедствием для России». Но в конечном итоге выбор курса зависел от царя.

Николай II, по натуре человек деликатный и миролюбивый, в вопросах внешней политики был чрезвычайно чувствителен ко всему, что хоть как-то задевало престиж России — страны, величие и благополучие которой он обязан был отстаивать и охранять. Политика мирного сосуществования была близка и понятна Николаю II, она отвечала его внутренним убеждениям и соответствовала ориентирам, унаследованным от императора Александра III. Но время такой политики еще не пришло.

К началу XX в. главным узлом международных противоречий для России стал Дальний Восток и важнейшим направлением — отношения с Японией. Русское правительство осознавало возможность военного столкновения, но не стремилось к нему. В 1902 и 1903 гг. происходили интенсивные переговоры между Петербургом, Токио, Лондоном, Берлином и Парижем, которые ни к чему не привели. Япония добивалась признания своего господства в Корее и требовала от России ухода из Маньчжурии, на что царское правительство, конечно же, пойти не могло, хотя и готово было на некоторые уступки. Становилось все более ясным, что японские правящие круги деятельно готовятся к войне. Россия, в свою очередь, предпринимала некоторые ответные действия, но ее военно-морская программа была рассчитана на годы, в то время как Япония оснастила свои морские силы серией новейших кораблей.

В ночь на 27 января 1904 г. 10 японских эсминцев внезапно атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура и вывели из строя 2 броненосца и 1 крейсер. На следующий день 6 японских крейсеров и 8 миноносцев напали на крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец» в корейском порту Чемульпо. Лишь 28 января Япония объявила войну России. Вероломство Японии вызвало бурю возмущения в России. Положение на Дальнем Востоке постоянно находилось в центре внимания императора, о чем свидетельствуют его краткие дневниковые записи. «Вечером получил известие о прекращении переговоров с Японией и о предстоящем отъезде ее посланника отсюда» (24 января); «Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим... Вернувшись домой, получил от Алексева телеграмму с известием, что этой ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде «Цесаревич», «Ретвизан» и «Палладу» и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Господь да будет нам в помощь!» (26 января).

России была навязана война, которой она не хотела, но которая явилась логическим следствием имперской политики. Война продолжалась полтора года и оказалась бесславной для страны. Причины общих неудач и конкретных военных поражений вызывались различными факторами, но к числу главных относились: незавершенность военно-стратегической подготовки вооруженных сил, значительная удаленность театра военных действий от главных центров армии и управления и чрезвычайная ограниченность сети коммуникационных связей. Бесперспективность войны со всей определенностью проявилась уже к концу 1904 г., а после падения 20 декабря 1904 г. крепости Порт-Артур в России уже мало кто верил в благоприятный исход кампании. Первоначальный патриотический подъем сменился унынием и раздражением. Эта ситуация способствовала усилению антиправительственной агитации и критических настроений. Оппозиционный тон стал характерен для русской легальной печати, что же касается немалого числа нелегальных изданий, то там вообще не стеснялись в выражениях и беспощадно клеймили царя и «его сатрапов».

Власть находилась в состоянии оцепенения; никто не мог предположить, что война, которая по всем предварительным предположениям должна была быть непродолжительной, затянулась так надолго и оказалась столь неудачной. Император

долго не соглашался признать дальневосточный провал, считая, что это лишь временные неудачи и что России надлежит мобилизовать свои усилия для удара по Японии и восстановления престижа армии и страны. Он несомненно хотел мира, но мира почетного, такого, который могла обеспечить только сильная геополитическая позиция, а она была серьезно поколеблена военными неудачами. К концу весны 1905 г. стало очевидным, что изменение военной ситуации возможно лишь в отдаленном будущем, а в ближайшей перспективе надлежит незамедлительно приступить к мирному разрешению возникшего конфликта. К этому вынуждали не только соображения военно-стратегического характера, но, в еще большей степени, осложнения внутренней ситуации в России.

В мае 1905 г. Николай II принял посредничество президента США Т. Рузвельта по заключению мира. Министр иностранных дел граф В.Н. Ламздорф начал формировать группу российских представителей, в которую должны были войти известные дипломаты и политики во главе с председателем Комитета министров С.Ю. Витте (1903—1905). Когда же 11 июня 1905 г. список попал к императору, он сделал пометку «только не Витте». Однако желающих войти в состав делегации, которая должна была отстаивать и защищать интересы проигравшей стороны, было мало. Многие под тем или иным предлогом уклонились от участия, и 29 июня царь подписал указ о назначении С.Ю. Витте первым уполномоченным. Получив соответствующие инструкции от государя, С.Ю. Витте 6 июля 1905 г. вместе с группой экспертов по дальневосточным делам выехал в США, в город Портсмут, где намечались переговоры.

Ситуация для российской стороны осложнялась не только военно-стратегическими поражениями на Дальнем Востоке, но и отсутствием предварительно выработанных условий возможного соглашения с Японией. Глава делегации лишь получил указание ни в коем случае не соглашаться ни на какие формы выплаты контрибуции, которую никогда в истории Россия не платила, и не уступать «ни пяди русской земли», хотя к тому времени Япония и оккупировала уже южную часть острова Сахалин. Япония заняла первоначально в Портсмуте жесткую позицию, потребовав в ультимативной форме от России полного ухода из Кореи и Маньчжурии, передачи российского дальневосточного флота, выплаты контрибуции и согласия на аннексию Сахалина.

Русской делегации удалось в итоге добиться почти невозможного: удачного завершения трудных переговоров с благоприятным результатом. В этом огромная заслуга Сергея Юльевича Витте.

Переговоры несколько раз были на грани срыва, и только благодаря усилиям главы русской делегации удалось достичь положительного результата: 23 августа стороны заключили соглашение. В соответствии с ним Россия уступала Японии арендные права на территории в Южной Маньчжурии, половину Сахалина, признавала Корею сферой японских интересов. Стороны обязались вывести войска из Маньчжурии, использовать железнодорожные линии исключительно в коммерческих интересах и не препятствовать свободе мореплавания и торговли. Портсмутские договоренности стали несомненным успехом России, ее дипломатии. Они во многом походили на соглашение равноправных партнеров, а не на договор, заключенный после неудачной войны.

В Россию С.Ю. Витте вернулся 15 сентября и сразу же был приглашен к царю. Здесь сановник узнал, что в ознаменование заслуг ему пожалован титул графа. Новоиспеченного «сиятельства» не было в России менее трех месяцев, но как здесь все изменилось! Политическое положение было чрезвычайно напряженным: отовсюду звучали негодующие голоса, каждый день сообщалось о забастовках, митингах, погромах, мятежах. Вторая половина 1905 г. — время наивысшего подъема того, что одни называли первой русской революцией, а другие — хаосом и анархией.

Отсчет хронологии этого «политического землетрясения» ведется от воскресенья 9 января 1905 г., когда в Петербурге состоялось многотысячное шествие рабочих к Зимнему дворцу, закончившееся трагически. Тот день получил название «Кровавого воскресенья» и навсегда остался в летописи отечества днем скорби. О его событиях написано

множество книг, опубликовано огромное количество материалов, но до сих пор не все произошедшее тогда поддается простому и однозначному объяснению. В центре драмы оказался уроженец Полтавской губернии священник Г.А. Гапон (1870— 1906) — личность, во многих отношениях темная. Обладая даром слова и убеждения, он занял заметное место в рабочей среде Петербурга, организовав и возглавив в 1904 г. вполне легальную общественную организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга».

Эта организация, как и ряд подобных, появившихся в России в первые годы XX в., пользовалась расположением властей и ее деятельность первоначально протекала под покровительством департамента полиции. Это был период «полицейского социализма». Его возникновение неразрывно связано с именем полковника С.В. Зубатова, возглавлявшего в 1896—1902 гг. Московское охранное отделение, а затем занявшего в центральном аппарате Министерства внутренних дел пост начальника Особого отдела. В молодости он увлекался революционными идеями, но затем разочаровался в них и стал убежденным сторонником самодержавия, считая, что гибель монархии станет гибелью России. «Те, кто идут против монархии в России, — наставлял С.В. Зубатов, — идут против России; с ними надо бороться не на жизнь, а на смерть».

Широко мыслящие правоверные монархисты, к числу которых относился полковник С.В. Зубатов, еще задолго до 1905 г. разглядели новую и невиданную раньше опасность — рабочее движение, которое постепенно разрасталось, охватывало новые районы, новые группы наемных тружеников. Имущественное и бытовое положение этой категории населения было чрезвычайно трудным. Рабочие, в отличие от крестьян, сконцентрировались компактными массами вокруг промышленных предприятий в крупных индустриальных центрах. Их проблемы и нужды мало кого интересовали, что делало их восприимчивыми к радикальной, в первую очередь социалистической, агитации, исходившей от нарождавшихся радикальных группировок марксистского толка. Рабочая среда могла стать угрожающим «взрывным материалом». С целью предотвратить подобное развитие событий С.В. Зубатовым была предложена идея создания под контролем властей легальных союзов, выражающих и отстаивающих интересы рабочих.

Идеологически замысел базировался на том, что русский царь находился вне партий, был главой всего русского народа, а не какой-то отдельной его части. Поэтому беды рабочих не могли оставаться безразличны властям, монархом поставленным. Министерство внутренних дел и его глава в 1900— 1902 гг. Д.С. Сипягин выступали в известном смысле антиподом Министерства финансов, возглавляемого С.Ю. Витте, питавшим преувеличенное расположение к промышленникам. Идею создания рабочих союзов под патронатом власти, как и самого С.В. Зубатова, деятельно поддержал дядя Николая II, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. В начале февраля 1902 г. князь Сергей писал своему брату Павлу: «Сегодня у меня были приятные минуты: я принимал депутацию рабочих со всех механических заводов и мастерских Москвы, которым я устроил и провел устав общества самопомощи. Дело **очень** интересное, серьезное, даже скажу **опасное** — обоюдоострое, но, по-моему крайнему разумению, **необходимое** по теперешним временам».

Власть стремилась взять на себя роль беспристрастного арбитра в спорах и конфликтах между рабочими и предпринимателями, дать рабочему люду надежду и поддержку против «акул капитализма» и «хищников наживы». Подобный социальный романтизм привел к возникновению и талоновской организации в Петербурге, устав которой был утвержден Министерством внутренних дел 15 февраля 1904 г. К концу года она уже имела 17 отделений (отделов) во всех рабочих районах столицы. Задача общества состояла в том, чтобы способствовать трезвому и разумному времяпрепровождению, укреплению русского самосознания, правовому просвещению. Члены организации платили небольшие взносы, могли пользоваться бесплатной юридической консультацией, библиотекой, посещать лекции, концерты. Собирались рабочие в специальных

помещениях, клубах или чайных, где и происходили встречи и беседы. Такие собрания посещали тысячи человек. И постоянно перед ними выступал Г. Гапон, страстно клеймивший хищников-хозяев, рисовавший проникновенные картины общественной несправедливости, что вызывало живой отклик у слушателей. «Батюшка» быстро прослыл радетелем за «народное дело».

Трудно точно установить, когда именно возникла идея идти к царю и просить у него «правды и защиты», но уже в декабре 1904 г. она широко обсуждалась на собраниях. В начале января 1905 г. на крупнейшем предприятии Петербурга — Путиловском заводе — вспыхнула стачка, вызванная увольнением нескольких рабочих. Забастовка начала быстро распространяться и к ней стали примыкать рабочие других предприятий и районов. Это событие ускорило ход дел, и рабочие почти единогласно приняли решение идти к царю с петицией. Однако с полным перечнем самих требований они ознакомлены не были; эти требования были составлены небольшой «группой уполномоченных» под председательством Гапона. Рабочие лишь знали, что идут к царю просить «помощи трудовому люду». Между тем наряду с экономическими пунктами в петицию был внесен целый ряд политических требований, часть которых — созыв «народного представительства», полная политическая свобода, «передача земли народу» и др. — затрагивала основы государственного устройства и носила откровенно провокационный характер.

Знал ли сам Гапон и кучка его приспешников, что выдвигают требования, заведомо не выполнимые, что сам акт «народного шествия» может привести к непредсказуемым результатам? Да, безусловно, знал и надеялся как раз на это. Составители петиции не только выдвигали перечень требований, но и желали, чтобы царь тут же перед толпой «поклонился выполнить их», что было совершенно невероятно. Но провокация 9 января 1905 г. в полной мере удалась. Уже потом выяснилось, что Гапон давно замыслил общественное действие, способное поколебать устои и вызвать смуту в стране. Этот человек был абсолютно аморален. Он лгал властям, изображая законопослушного гражданина, лгал народу, уверяя, что его интересы и чаяния ему ближе всего на свете, лгал Богу, говоря о мире и любви, а в душе поклоняясь террору и насилию. Он мастерски лицедействовал.

Военные и полицейские власти продемонстрировали свою беспомощность и вместо того, чтобы изолировать десяток организаторов, полагались на «слово Гапона», уверявшего их, что шествия не состоится. Самого Николая II в эти дни в Петербурге не было, и идея вручить ему петицию в Зимнем дворце была просто абсурдна. В последний момент должностные лица наконец уразумели, что Гапон ведет двойную игру, и 8 января приняли решение ввести в столицу большие контингенты войск и заблокировать центр города. В конце концов тысячи человек все-таки прорвались к Зимнему дворцу. В разных местах города была открыта стрельба и имелись многочисленные жертвы. Спустя два дня за подписью министра внутренних дел П.Н. Дурново и министра финансов В.Н. Коковцова было опубликовано правительственное сообщение, в котором говорилось, что во время событий 9 января было убито 96 и ранено 333 человека. Враги же трона и династии во много раз завысили количество погибших и говорили о «тысячах убитых».

«Кровавое воскресенье» случилось. Было много виноватых, не было и много жертв. Царь, находившийся в Царском Селе, узнав о случившемся, горько переживал. «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» — записал он в дневнике 9 января. Но изменить уже ничего было нельзя. Престиж власти в глазах очень многих был серьезно поколеблен. Недовольство и возмущение охватили даже тех, кто не был замешан в антигосударственной деятельности. Как могло все это случиться? Почему власти проявили такую нераспорядительность? Как могла полиция поддерживать такого негодяя, как Гапон? Вопросы возникали, но ответы не удовлетворяли. Был уволен

начальник петербургской полиции, ушел в отставку министр внутренних дел, но это никого не успокоило. Радикалы всех мастей в своей беспощадной политической игре получили такую «kozyрную карту», о которой они еще совсем недавно и мечтать не могли.

§ 3. Дилемма власти: потребности времени и возможности системы. Манифест 17 октября 1905 г.

Уже в 1904 г. стали заметны признаки надвигающейся социальной бури. Недовольство открыто проявлялось на страницах газет и журналов, на собраниях земских и городских деятелей. Учебные заведения, в первую очередь университеты, бурлили; по стране покатила волна стачек и манифестаций. И основным было требование политических перемен, которых желали очень и очень многие. Неудачная война усугубила старые проблемы и породила новые. Вопросы реформирования системы выходили на первый план общественной жизни. В высших коридорах власти это отчетливо начинали осознавать.

В июле 1904 г. в центре Петербурга бомбой террориста был убит министр внутренних дел В.К. Плеве — человек крайних консервативных взглядов, не желавший принимать никаких новых идей и считавший, что мир и порядок в империи можно поддерживать только жесткой, бескомпромиссной политикой. Подобные представления были распространены достаточно широко. Но вместе с тем начинали проявляться и иные подходы, направленные на то, чтобы изыскать форму взаимодействия между властью и общественными силами в лице земско-либеральной оппозиции. В августе 1904 г. на ключевой пост министра внутренних дел был назначен бывший товарищ министра внутренних дел, бывший виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский, провозгласивший политику доверия к общественным кругам. Началась «весна надежд и ожиданий».

Традиционалисты-монархисты, сторонники неограниченной монархии, строгого единоначалия в общественной жизни, приверженцы твердой внешней и внутренней политики старались противодействовать подобной тенденции. К началу XX в. наиболее известными лидерами этого направления, помимо В.К. Плеве, были обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и издатель журнала «Гражданин» князь В.П. Мещерский (внук историка Н.М. Карамзина). И здесь неизбежно возникают принципиальные вопросы, в которых сфокусировано многое из того, что определило в конечном итоге трагическую судьбу России. Почему традиционные ценности, исконные институты и представления не выдержали испытания на переломном рубеже эпох? Почему русский консерватизм не стал сдерживающей преградой на пути легкомысленных общественных экспериментов и безответственного экспериментаторства?

Русский консерватизм, в отличие от консерватизма западноевропейского, принявшего в XIX в. форму разработанной и обусловленной общественной доктрины, не базировался на прагматическом и рационалистическом фундаменте. Он был консерватизмом не мысли, а чувства, опирался на историческую традицию и на православную веру. В этом было величие и беспомощность его. Любовь к России, преклонение перед ее прошлым, искренняя вера в Бога, почитание царя — вот те исходные и незыблемые постулаты, которые было очень сложно обосновать и артикулировать. Русские консерваторы глубоко переживали неполадки в общественной жизни, досадные и просто преступные провалы во внешней и внутренней политике, но никогда не признавали, даже теоретически, возможность пересмотра основы государственности — принципа самодержавности русского царя. Они считали, что властные prerogative монарха ни в какой форме не могут умаляться никакими органами и институтами.

Но консерватизм никогда не был однородным. В его русле существовали различные оттенки и течения, некоторые из которых признавали необходимость и возможность изменений, считали допустимым проведение политических преобразований при сохранении в неприкосновенности самодержавного института. Они были уверены, что для укрепления власти нужно создать сильное единое правительство во главе с премьером, наделенным широкими полномочиями (объединенного кабинета до осени 1905 г. не существовало). Согласно этим представлениям, власти следует проводить различие между подпольными революционерами и теми общественными элементами и общественными силами, которые выступали не против системы, а лишь против произвола и мелочной регламентации общественной деятельности. К числу таких либеральных консерваторов и относился князь П.Д. Святополк-Мирский.

Назначение его на этот важнейший пост, чему противились непримиримые, отражало изменение позиции императора, склонявшегося к конструктивному диалогу с умеренными оппозиционерами. 25 августа 1904 г. князь получил аудиенцию, на которой Николай II сообщил ему о принятом решении. Министр дал несколько интервью газетам, встретился с представителями либеральных кругов и популяризировал свою политическую программу, узловыми пунктами которой были: веротерпимость, расширение местного самоуправления, предоставление больших прав печати, изменение политики по отношению к окраинам, разрешение рабочих сходов для обсуждения экономических вопросов. Эти заявления произвели сенсацию.

Политические деятели либерального толка отнеслись к ним весьма скептически. Они были уверены, что время самодержавия подходит к концу, и не хотели связывать себя никакими обязательствами с «уходящей властью». В середине 1904 г. П.Н. Милюков на страницах нелегального журнала «Освобождение» восклицал: «Будем патриотами для себя и для будущей России, останемся верными старой «народной поговорке»: «Долой самодержавие!». Это тоже патриотично, а заодно гарантирует от опасности оказаться в дурном обществе реакционеров».

В самый разгар «святополковой весны», в конце сентября — начале октября 1904 г., ведущая группа отечественных либералов, объединившаяся вокруг журнала «Освобождение», издававшегося с 1902 г. под редакцией П.Б. Струве сначала в Штутгарте, а затем в Париже, инициировала проведение в Париже съезда оппозиционных партий. На нем присутствовали различные либеральные и радикальные объединения. Из наиболее заметных отсутствовала лишь РСДРП. Это собрание единогласно приняло резолюцию о необходимости ликвидации самодержавия, о замене его «свободным демократическим строем на основе всеобщей подачи голосов» и о праве «национального самоопределения народностей России».

На съезде присутствовал цвет русской либеральной интеллигенции, составившей позднее костяк кадетской партии. Эти господа — борцы за свободу и демократию — сочли уместным определять политику совместных действий с крайними течениями и группами, с теми, кто запятнал себя кровавыми убийствами, например партией социалистов-революционеров («эсеров»), возникшей в 1902 г. и поставившей террор против власти во главе угла своей деятельности. Уже после революции, когда все прекраснотушнные мечты либеральных краснобаев развеял грубый реализм русской жизни, некоторые из них прозрели и осознали свое преступное легкомыслие. В начале 30-х гг. в эмиграции известный кадет В.А. Маклаков, вспоминая пресловутый парижский конгресс, писал: «Со стороны либерализма это соглашение было союзом с грозящей ему самому революцией. Спасти Россию от революции могло только примирение исторической власти с либерализмом, т.е. искреннее превращение самодержавия в конституционную монархию. Заклячая вместо этого союз с революцией, либерализм «Освобождения» этот исход устранял; он предпочитал служить торжеству революции».

Провозглашенная князем П.Д. Святополк-Мирским «эпоха доверия» очень скоро начала демонстрировать свою бесперспективность. Оказалось, что легко давать обещания,

но трудно их исполнять. Собственно, сразу в центре дискуссий и обсуждений встал уже старый и болезненный вопрос о создании общероссийского представительного органа, о его компетенции и путях формирования. Он непосредственно замыкался на проблему незыблемости прерогатив монарха. Мирский был убежден, что самодержавие и представительство общественности совместимы, но многие в правящих кругах не разделяли этой позиции. Они опасались, что создание любого не назначенного, а выборного органа неизбежно породит неразбериху в управлении и будет способствовать параличу власти, чем непременно и воспользуются враги трона и династии. Поводов для таких опасений в конце 1904 г. становилось все больше.

Особенно накалились страсти во время и после съезда земских деятелей, происходившего в Петербурге 7—9 ноября 1904 г. Министр внутренних дел съезд разрешил, но попросил участников заниматься обсуждением «практических вопросов земской жизни». Однако в атмосфере социальной напряженности и резкой политизации всей общественной деятельности добиться регламентации было практически невозможно. Земцы вкратце обсудили некоторые свои специфические вопросы, но в центре их внимания находились общеполитические проблемы. Было признано необходимым создать «народное представительство», провести политическую амнистию, прекратить «административный произвол» и отменить «положения об усиленной охране» 1881 г., гарантировать неприкосновенность личности, утвердить веротерпимость.

Наиболее вызывающим был «пункт десятый» — самое важное требование резолюции, гласившее, что только конституционный строй, ограничивающий самодержавную власть, может удовлетворить общественное мнение и дать России «спокойное развитие государственной жизни». Этот тезис вызвал решительные возражения умеренных участников съезда во главе с известным деятелем земско-либерального движения Д.Н. Шиповым, категорически заявившим, что не разделяет конституционных воззрений. В своей пространной речи он отстаивал старый славянофильский тезис: «народу мнение, царю решение» и не допускал никаких бумажных договоров и гарантий между властью и народом, считая, что их отношения зиждутся не на юридических формальных началах, а на незыблемых нравственных. Эти доводы не возымели действия, и при голосовании этого пункта большинство голосов было отдано за конституцию.

Решения земского съезда вызвали значительный интерес и стали темой оживленных обсуждений и в прессе, и в частных собраниях. Первоначально появились предположения, что депутация земцев будет принята министром внутренних дел и царем, в чем усматривали поворот власти к конституционности. Консерваторы-традиционалисты негодовали. Великий князь Сергей Александрович 10 ноября записал в дневнике: «Узнал о подробностях земского съезда в Петербурге: вотировали конституцию!! Депутация земцев принята Мирским, будет принята Государем!! (она принята не была. — А.Б.) Несчастный человек» — и далее добавил: «мне иногда кажется, что с ума схожу». Лидеры же либерального течения расценили петербургское собрание как великий успех. Один из них, И.И. Петрункевич, позднее писал, что земский съезд стал «отправной точкой движения, приведшего Россию к первой Государственной думе».

Власть была шокирована — удовлетворить подобные крайние требования она не могла, так как это фактически означало самоликвидацию исторической власти, но и оставить все по-прежнему не имела возможности. В начале декабря 1904 г. в Царском Селе прошли совещания высших должностных лиц империи, где обсуждались неотложные меры для преобразования внутреннего строя. В центре дискуссий оказалась программа, предложенная министром внутренних дел. Особое внимание участников привлек пункт о выборных представителях в составе Государственного Совета (до того все члены назначались лично монархом). Большинство собравшихся высказалось против этого. Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев именем Бога заклинал царя не ограничивать самодержавие, и эту позицию поддержали министр финансов В.Н.

Коковцов, председатель Комитета министров С.Ю. Витте и большинство других. Царь вначале колебался, но вскоре однозначно выступил за сохранение незыблемости власти и заметил: «Мужик конституцию не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, а тогда — я вас поздравляю, господа!».

По окончании царскосельских совещаний был опубликован указ Сенату, содержащий пожелания пересмотреть положение о печати, установить веротерпимость и т.д. О выборных представителях в нем не было ничего сказано, хотя либералы надеялись, что выборное начало там будет оговорено. Но власть все еще не была готова к резким переменам. Они наступили позднее, в следующем году. В январе 1905 г. произошли кровавые события в Петербурге; П.Д. Святополк-Мирский был уволен в отставку. Им были недовольны все, а представители «партии власти» обвиняли его в том, что своей мягкотелостью, нерешительностью, заигрыванием с оппозицией он расшатал порядок, и в результате случилось это абсурдное и бессмысленное побоище в центре столицы. Министром был назначен бывший московский губернатор, ближайший друг великого князя Сергея Александровича А.Г. Булыгин. Чтобы смягчить ситуацию, император принял 19 января депутацию рабочих, к которым обратился с речью: «Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Много надо улучшать и упорядочивать, но имейте терпение». Далее, возвращаясь к событиям 9 января, он заметил, что «мятежной толпой заявлять мне о своих нуждах преступно». Эта аудиенция ни на кого не произвела особого впечатления.

Страсти в стране накалялись. Зимой и весной 1905 г. начались беспорядки в деревне, сопровождавшиеся захватом, разграблением и поджогами дворянских усадеб. Волнения охватили и армию. Летом произошло невероятное событие, которое произвело сильное впечатление и в России, и за границей: 14 июня 1905 г. взбунтовалась команда эскадренного броненосца Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический». Это был один из лучших кораблей флота, вступивший в строй всего лишь за год до того. Восстание вспыхнуло стихийно, хотя потом было положено много усилий на то, чтобы доказать, что руководили «революционным выступлением матросов» большевик-ленинцы. Восстание продолжалось до 25 июня, и все двенадцать дней командование флотом, военные чины, высшая администрация в Петербурге, как и множество других лиц по всей империи, внимательно наблюдали за «потемкинской одиссеей», закончившейся в румынском порту Констанца сдачей корабля румынским властям.

Император был ошарашен. Ничего подобного не случалось раньше. 15 июня записал в дневнике: «Получил ошеломляющее известие из Одессы о том, что команда пришедшего туда броненосца «Князь Потемкин Таврический» взбунтовалась, перебила офицеров и овладела судном, угрожая беспорядками в городе. Просто не верится». Но это была горькая правда. Опора монархии оказалась не так надежна, как еще совсем недавно казалось.

Давление на власть все более смелешего либерального общественного мнения усиливалось. Общественные деятели уже открыто призывали к конституции. В мае в Москве состоялся съезд земских и городских деятелей, где призыв к конституционным преобразованиям был принят подавляющим большинством голосов. Съезд избрал делегацию, которую 6 июня 1905 г. принял в Петергофе император и которая вручила ему свои требования. Это была первая встреча самодержца с представителями либеральных кругов. К этому времени монарх уже был уверен в необходимости введения выборного представительного органа. В ответ на речь главы делегации князя С.Н. Трубецкого Николай II сказал: «Я скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война и которые необходимо еще предвидеть, и о всех наших внутренних неурядицах. Отбросьте сомнения: Моя Воля — воля Царская — созывать выборных от народа — непреклонна. Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всею Русью, общение между Мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, вы будете содействовать Мне в этой работе».

Царь не лукавил. Но в кругах «образованного общества» этим словам не придавали значения. Через тридцать лет, когда все участники тех бурных событий «стали историей», один из главных действующих лиц, страстный противник самодержавия, известнейший либерал В.А. Маклаков написал: «Государь сам не хотел ввести конституцию, боролся против нее и дал ее против желания. По натуре он реформатором не был. Все это правда. Но зато он умел уступать, даже более, чем нужно». Подобные прозрения наступили слишком поздно и ничего уже изменить в истории России не могли.

Конец зимы, весна и лето 1905 г. стали временем выработки новых подходов, поиском адекватных форм разрешения социальной напряженности. 18 февраля 1905 г. был опубликован царский манифест, объявлявший о намерении создать законосовещательную Государственную думу, а 6 августа 1905 г. появился новый манифест, устанавливавший создание в России выборного законосовещательного органа. Этот проект по имени министра внутренних дел получил название «Булыгинской думы», которая должна была собраться не позднее середины января 1906 г. Выборы не были прямыми и равными, а некоторые категории населения исключались из выборной процедуры: женщины, военнослужащие, учащиеся, рабочие. Для крестьян предполагалось установить четырехстепенные выборы, для землевладельцев и горожан, имевших имущественный ценз, — двухстепенные. На крестьян приходилось 42% выборщиков, на землевладельцев — 34%, а 24% — на городских избирателей, имевших имущество стоимостью не менее 1500 руб., а в столицах не менее 3000 руб. Этот проект означал существенные перемены в представительных функциях власти. Либеральные круги, хотя и с оговорками, но поддержали этот проект.

Группы социалистической ориентации выступили с критикой, а большевики сразу призвали к бойкоту, считая Булыгинскую думу «обманом масс». Но через несколько недель события приняли столь драматический оборот, что власти пришлось идти значительно дальше по пути уступок.

В сентябре—октябре 1905 г. Россию охватила почти всеобщая политическая стачка. События начались 19 сентября в Москве, когда печатники объявили забастовку, выдвинув экономические требования. Вскоре к ней присоединились представители других профессий, забастовки стали объявляться в других городах, а требования стали носить главным образом политический характер. Центральная власть оказалась неспособной противодействовать расширяющемуся хаосу и анархии, проявлявшимся повсеместно в грабежах и насилиях. В правящих кругах заговорили о диктатуре. Царившую тогда атмосферу на самом вершине иерархической пирамиды охарактеризовал начальник канцелярии министра Императорского двора генерал-лейтенант А.А. Мосолов: «Все признавали необходимость реформ, но почти никто не отдавал себе отчета в том, в чем они должны выразиться. Одни высказывались за введение либеральной конституции, другие — за создание совещательного органа, третьи — за диктатуру по назначению, а четвертые считали, что порядок и умиротворение должны быть водворены государем диктаторскими приемами».

На авансцене политического действия оказался С.Ю. Витте, только недавно вернувшийся с триумфом из Америки, где ему удалось подписать Портсмутский мир. В атмосфере страхов и неопределенности многим стало казаться, что этот человек «может все». Ранее он не был сторонником выборных органов и неоднократно заявлял, что «представители и самодержавие несовместимы». С конца 1904 г. он популяризировал идею создания объединенного представительства, которое должно взять сильный и последовательный курс. В самом начале 1905 г. в письме К.П. Победоносцеву С.Ю. Витте писал, что публике надо дать почувствовать, что есть правительство, которое знает, что оно хочет, и обладает волею и кулаком, чтобы заставить всех поступать согласно своему желанию. Оно должно вести публику, а не подчиняться толпе и в особенности обезумевшей.

Осенью 1905 г. взгляды «его сиятельства» сильно изменились и заметно «порозовели». Он не оставил мысль об объединенном кабинете, но уже ратовал за создание выборного представительного органа с широкими законодательными правами. Им была составлена специальная записка, представленная царю 9 октября. Это была программа срочных преобразований. Она предусматривала предоставление гражданских свобод, созыв народного представительства с законодательскими функциями, создание объединенного совета министров, введение нормированного рабочего дня, государственного страхования и ряд других, более частных, положений Будучи по природе прагматиком, С.Ю. Витте понимал, что предполагаемые, еще совсем недавно немыслимые, уступки необходимы для спасения монархии и династии; что только таким путем можно ослабить сокрушительный натиск революции.

Он начинает доказывать императору, что полнота царской власти сохранится и при народном представительстве. Главное, по его мнению, надо одержать тактическую и политическую победу над противником именно в настоящий момент, в данную критическую минуту, а потом все можно будет «урегулировать». Обращаясь к монарху, граф писал: «Идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформы, то путем революции... «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный», все повергнет в прах. Какою выйдет Россия из беспримерного испытания — ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории... Попытки осуществить идеалы теоретического социализма — они будут неудачны, но они будут несомненно — разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основные права. Как в 50-х гг. правительство объявило освобождение крестьян своим лозунгом, так и в настоящий, несоизмеримо более опасный момент государственная власть не имеет выбора: ей надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения».

Император очень серьезно отнесся к доводам и аргументам С.Ю. Витте, и 13 октября известил его о назначении председателем Совета министров, предлагая объединить деятельность кабинета для «восстановления порядка повсеместно». Однако граф этим не удовлетворился и проявил невероятное своеволие, заявив, что примет пост лишь при условии одобрения изложенной программы, которую советовал обсудить на совещании лиц «по усмотрению государя». Эти обсуждения состоялись в последующие дни. На них рекомендации Сергея Юльевича были одобрены, и 17 октября 1905 г. самодержец подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Это была важнейшая политическая декларация последнего царствования. Она содержала обещания «даровать народу незыблемые основы гражданских свобод»: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов; привлечь к выборам в Государственную думу все слои населения; признать Думу законодательным органом, без одобрения которого ни один закон не мог вступить в силу.

Манифест 17 октября 1905 г. — документ, отразивший переломный момент в истории России, крупнейший шаг по пути конституционной эволюции, создания правового государства. Во имя мира и благополучия страны монархическая власть отказывалась от исконных, освященных веками истории и Божественным соизволением прерогатив. Под напором событий Николай II принял новые реальности. Через два дня после манифеста, описывая происшедшее событие, император писал матери в Данию: «В течение этих ужасных дней виделся с Витте постоянно, разговоры начинались утром и кончались вечером при темноте. Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось через несколько месяцев действовать силою... Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности. Кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную думу — это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, считая его хотя и рискованным, тем не менее единственным в

настоящий момент... Он прямо объявил, что если примет назначение председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать действовать».

Получив большие властные полномочия, главе кабинета надлежало решить невероятно сложные задачи: создать сильную администрацию, покончить с анархией и кровавыми эксцессами, разработать серию законодательных мер по реализации положений Манифеста 17 октября. И все это в атмосфере паралича власти, паники, безответственности и финансового кризиса. Первая и самая насущная задача сводилась к наведению порядка, установлению мирного и предсказуемого течения общественной жизни. Октябрьский манифест, как и предполагал С.Ю. Витте, внес определенное замешательство в ряды оппозиции, умеренно-либеральные представители которой пришли к заключению, что борьба с властью выиграна. Хотя они не стали сторонниками правительства, но некоторое время перестали выступать заодно с радикалами всех мастей, стремившихся лишь к разрушению. Лидер большевиков В.И. Ленин неистовствовал на страницах газеты «Пролетарий»: «Вперед же, к новой, еще более широкой и упорной борьбе, чтобы не дать опомниться врагу!».

Восторженный энтузиазм в либеральной среде разделяли далеко не все. Один из известнейших деятелей П.Н. Милюков находился в момент опубликования Манифеста в Москве. Здесь, в Литературном кружке, по получении известия о Манифесте, восторженные посетители подняли его на руки, принесли в центр ресторанный залы, поставили на стол, дали в руки бокал шампанского и заставили произнести речь. И будущий бессменный глава кадетской партии сказал то, чего от него никто не ожидал: «Ничто не изменилось, война продолжается». Подобные деятели требовали всего и сразу: полной конституции, всех гражданских прав, всеобщего избирательного права и т.д., а пока «власть этого не дала, мы будем с ней бороться». И боролись. На банкетах в ресторанах, в своих имениях, на модных и дорогих европейских курортах, на страницах множества газет и журналов.

Но, пожалуй, самое отталкивающее в либерализме милюковского толка было то, что он по сути дела выступал соучастником кровавых преступлений левых радикалов-убийц. Конечно же, сами эти господа рук не пачкали, но никогда и не осуждали террор, давая ему как бы моральное благословение. Однозначному осуждению подвергались лишь все силовые действия властей, когда же убивали губернатора, министра или простого городского, то голосов возмущения в либеральной среде слышно не было. В первые дни Февральской революции 1917 г., на заре «эры свободы», выступая в Таврическом дворце, П.Н. Милюков восклицал: «Мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов первого русского общественного кабинета». Очень скоро власть перешла «к самым левым из друзей слева» и либеральным краснобоям, обезумевшим от страха, пришлось бежать часто просто «куда глаза глядят». Но до этого было еще далеко, еще существовало «царство самовластья» и можно было не беспокоиться за свою жизнь.

Манифест 17 октября, хотя и привел к ликованию в некоторых салонно-либеральных кругах, но не погасил революционный пожар, достигший наивысшего размаха в ноябре—декабре 1905 г. Забастовки, митинги, манифестации, погромы усадеб, террористические нападения на должностных лиц, восстания в армии и на флоте в эти первые недели «весны свободы» лишь множились. В середине декабря дошло даже до вооруженного восстания в Москве. За несколько дней до того царь принял представителей монархических организаций, которые чуть ли не в ультимативной форме потребовали от монарха отменить Манифест и подтвердить незыблемость царской власти. Отвечая им, Николай II сказал: «Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению».

Первое время после 17 октября С.Ю. Витте наход в состоянии растерянности. Царь, предоставив главе правительства большие полномочия, ждал решений и действия, а исполнительная власть была в состоянии паралича. В письмах матери Николай II писал:

«Вообще он (Витте) не ожидал, что ему будет так трудно на этом месте. Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение» (27 октября); «У меня каждую неделю раз заседает Совет министров. Говорят много, но делают мало. Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять» (10 ноября).

Главе кабинета не удалось договориться о деловом сотрудничестве с представителями либеральных общественных кругов, хотя некоторым известным деятелям и предлагались министерские посты. Но свое согласие на занятие министерского кабинета эти «радетели и спасатели» обставили таким количеством условий и оговорок, принять которые было невозможно. Витте жаждал лавров и изъявлений восторгов, но их не было ни с чьей стороны. Он явно недооценил инерционные силы революции и не предполагал, что после Манифеста вместо успокоения в стране усилятся антигосударственные выступления.

Власть сделала невероятные уступки, а результат получился обратный ожидаемому. От правительства требовалось принять силовые решения и они, после некоторых колебаний, были приняты. Для усмирения беспорядков многократно использовались войска. Самые кровавые события развернулись в середине декабря 1905 г. в Москве, где в течение нескольких дней шли настоящие уличные бои между левыми и войсками. Имелось много жертв и разрушений. События произвели на многих сильное впечатление. Резко изменились и взгляды главы кабинета, что озадачило даже царя, который, как ему казалось, хорошо знал сановника. В одном из писем матери Николай II заметил: «Витте после московских событий резко изменился; теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видал такого хамелеона».

§ 4. Опыт русского парламентаризма. Первая и Вторая Государственные думы

Подпись под Манифестом 17 октября далась императору нелегко. Он долго переживал, колебался, но в конце концов принял решение, которое не отвечало его собственным представлениям, но, как его убеждали со всех сторон, необходимо стране, благу России. К этому последний царь всегда был очень чувствителен и мог переступить через личные взгляды во имя благополучия империи. Когда Николай II подписывал Манифест, он не сомневался, что у власти достаточно сил для подавления «крамолы». Что бы там ни говорили и ни писали политические пристрастные современники и идеологически ангажированные исследователи, возможности силового решения осенью 1905 г. существовали.

Царь не прибег к этому средству по причинам, о которых поведал в одном из писем к матери. Говоря о возможности применения жестких мер, он заметил, что «это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы неминуемо к теперешнему положению, т.е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы не могли бы осуществляться». Здесь особенно примечательны последние слова. Николай II уже не сомневался, что реформы нужны, что их непременно надлежит проводить. Речь шла лишь о том, как это сделать и кто это должен сделать.

Манифест 17 октября был не конституцией, а декларацией намерений. Власть намечала перспективу преобразований, которые следовало реализовывать постепенно, в атмосфере стабильности и порядка. Прежде всего надо было разработать законодательную основу для выборов в Государственную думу, а также осуществить некоторые первоочередные мероприятия, обусловленные положениями Манифеста и находившиеся в компетенции исполнительной власти. Была объявлена амнистия политическим заключенным, введены новые правила о печати, упразднявшие предварительную цензуру, резко сокращены размеры выкупных платежей для крестьян (с

1907 г. они вообще отменялись). В разгар московского восстания 11 декабря 1905 г. появился закон о выборах в Государственную думу.

Принятию последнего акта предшествовали острые дискуссии в правительственных кругах. Собственно дебатировалось два различных подхода: сделать ли выборы общими, прямыми, равными и тайными (т.н. «четырёххвостка») или остановиться на более осторожном варианте. В конце концов была утверждена пропорциональная система. Ее горячо отстаивал С.Ю. Витте, опасавшийся, как и монарх, что в крестьянской стране, где большинство населения не искушено в политическом искусстве, свободные и прямые выборы приведут к победе безответственных демагогов и в законодательном органе будут заседать по преимуществу адвокаты.

В результате был сохранен сословно-куриальный принцип, заявленный еще в булыгинском проекте, и выборы становились многоступенчатыми. Всего создавалось четыре курии: землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая. Один выборщик приходился на 90 тыс. рабочих, 30 тыс. крестьян, 4 тыс. горожан и 2 тыс. землевладельцев. Подобный выборный принцип давал очевидные преимущества состоятельным слоям населения, но, с другой стороны, гарантировал присутствие в Государственной думе действительных рабочих и крестьян, а не тех, кто лишь выступал от их имени. Общая численность Государственной думы определялась в 524 депутата.

В начале 1906 г. была подготовлена новая редакция «Основных законов Российской империи», утвержденная монархом 23 апреля. Они подтверждали незыблемость самодержавия. «Императору всероссийскому, — гласила статья 4, — принадлежит верховная самодержавная власть». Последующие статьи определяли священность и неприкосновенность особы царя, его право издавать законы, руководить внешней политикой, армией, флотом, назначением высших чиновников. Но в «Основных законах» появилось и новое положение, которого не было раньше. В статье 86 говорилось: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу закона без утверждения Государя Императора». Следующая, 87, статья позволяла монарху между сессиями законодательных палат издавать законы в форме «чрезвычайных указов». Дума имела право делать запрос различным должностным лицам, выступать с законодательной инициативой. К ее компетенции относилось утверждение бюджета, штатов и смет различных ведомств, отчета Государственного контроля и т.д.

Государственный совет реорганизовался и принял форму высшей законодательной палаты, половина членов которой избиралась от различных групп населения, а половина назначалась царем. Государственный совет и Государственная дума были наделены правом законодательной инициативы. Законопроекты, не принятые обеими палатами, считались отклоненными. Законопроекты, отклоненные одной из палат, могли снова выноситься на рассмотрение только с разрешения императора.

Даже не вдаваясь в нюансы правового обеспечения законотворческого процесса, вполне очевидно, что возникшая система мало походила на сколько-нибудь развитый парламентский строй, который существовал к тому времени в целом ряде европейских государств. Были существенно ограничены избирательные права населения, а представительный орган получал весьма скромные возможности воздействия на власть. Все это так. Об этом писали бесчисленное количество раз и вряд ли кто рискнет с этим спорить. Но очень часто при этом игнорировалось и игнорируется одно очень важное обстоятельство: реальные **условия и возможности** не столько самой власти, сколько того, что было принято в марксистской историографии называть «народными массами». Готовы ли были они к восприятию широкой демократии западноевропейского образца в тот период? Любой ответ здесь в большей или меньшей степени будет носить гипотетический характер.

С учетом последующих событий, отрицательный ответ кажется более обоснованным, так как и через двенадцать лет, когда в 1917 г. в нескольких десятках

губерний состоялись выборы в Учредительное собрание, основная часть избирателей отдала предпочтение не «свободе» и «демократии» и поддерживавшим их силам, воспитанникам европейской политической культуры, а течениям и группам, являвшимся носителем и пропагандистом **социального мифа** о равенстве. Господам либералам с их шампанским, севрюгой и хартиями прав и свобод удалось получить лишь незначительные проценты. Нет никаких оснований сомневаться, что свободные, равные и тайные выборы в высший законодательный орган России, тогда, в 1905 г., привели бы не просто к социальным потрясениям, а к крушению всего миропорядка. И в этом отношении то, что предложила власть, можно считать почти пределом, отражавшим реальные условия страны и времени. Далее начиналась не переделка государственного здания, а его слом.

К началу 1906 г. вполне определенно обозначилось и структурирование общественных сил, носивших до того характер аморфных политических течений. Собственно к началу 1905 г. существовало несколько политических объединений, имевших характер политической партии и действовавших нелегально. Наиболее значительными общероссийскими среди них было две: партия социалистов-революционеров («эсеры») и Российская социал-демократическая рабочая партия («эсдеки»). Первая оформилась как партия в 1901—1902 гг. и объединила различные народнические кружки и группы, действовавшие еще в XIX в. и считавшие себя продолжателями дела народолюбцев. Основными их требованиями были демократическая республика, полные политические свободы, законодательная защита «человека труда», социализация земли. Главным средством политической борьбы для эсеров был индивидуальный террор. Они создали строго законспирированную «Боевую организацию», на счету которой было множество покушений на должностных лиц государства.

Партия российских социал-демократов возникла формально в 1898 г. на I съезде в Минске, а фактически — в 1903 г. на II съезде в Брюсселе и Лондоне, где была принята программа партии, предусматривавшая свержение самодержавия и «завоевание рабочим классом политической власти». На этом съезде произошел раскол на «большевиков» во главе с В.И. Лениным и на «меньшевиков», выступавших против крайнего радикализма стратегии и тактики социалистов-ленинцев.

С конца 1905 г. начали возникать партии либеральной и охранительной направленности, действовавшие уже легально. К этому времени происходит размежевание общероссийских политических сил. В отечественной историографии было канонизировано деление общественных сил на три главных блока («лагеря»): реакционный (правительственный и проправительственный), либерально-буржуазный и революционно-демократический. Любое социальное ранжирование в большей или меньшей степени является условным. Реальная картина была такова, что на авансцене политики чаще действовали две силы, два главных вектора общественных устремлений: традиционное, государственно-охранительное, и реформистско-разрушительное. Но в случае реализации того, что рекомендовали и предлагали отечественные либералы, неизбежно наступило бы крушение монархической государственности. В последние годы именно либералы стали главными противниками правительства и сделали очень много для сокрушения власти.

В октябре 1905 г. в Москве состоялся Первый учредительный съезд Конституционно-демократической партии, принявший программу и устав. Эта партия — крупнейшее объединение российского либерализма — для «широкого пользования» установила и другое название: «Партия народной свободы». В обиходе ее называли «кадетской», а членов — «кадетами». Она сыграла заметную роль во многих драматических коллизиях последних лет монархии. Во главе ее стояли известные общественные деятели П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, А.И. Шингарев, Ф.И. Родичев, П.В. Струве, В.Д. Набоков, И.И. Петрункевич, князя Павел Д. и Петр Д. Долгорукие, князь Д.И. Шаховской и некоторые другие. Социальной основой партии являлись земско-

либеральные элементы левой ориентации, а также профессура крупнейших университетов и лица свободных профессий (адвокаты, врачи, журналисты, писатели).

Программа кадетов вобрала в себя многие представления передовой европейской либеральной мысли. Сюда вошли положения о равенстве всех перед законом, о ликвидации сословных разграничений, о свободе совести и вероисповедания, о свободе печати и общественных ассоциаций, о неприкосновенности личности и жилища, о свободе передвижения, о ликвидации паспортной системы, о свободе культурного самоопределения. Кадеты обошли вопрос о форме государственного устройства, написав, что «Конституционное устройство российского государства определяется основным законом», и выступили за избрание народных представителей «всеобщую, равную, прямою и тайною подачей голосов». Они настаивали на контроле со стороны представительного органа за государственными финансами и за деятельностью высшей администрации. Их программа была нацелена на создание конституционного правления, предусматривала разделение властей (исполнительной, законодательной, судебной) и развертывание широкой сети местных институтов самоуправления по европейским образцам.

В области аграрной политики кадеты ратовали «за увеличение землепользования населения» и отчуждение частновладельческих земель и передачи их в руки безземельных и малоземельных крестьян. Они признавали необходимым пересмотреть земельное законодательство для облегчения условий аренды, развивать государственную помощь делу обустройства землепользователей на новых местах, распространить рабочее законодательство на область аграрных отношений. В рабочем вопросе кадеты призывали к свободе рабочих союзов и собраний, к укреплению роли рабочей инспекции на производстве, установлению восьмичасового рабочего дня, развитию охраны женского и детского труда, совершенствованию рабочего страхования. Однако произнести красивые слова это одно, а реализовать обещания на практике — совсем другое. Кадеты, исписав за годы своего существования горы бумаг, произнеся бесчисленное множество речей, разоблачив и заклеив всех деятелей самодержавного режима за их нежелание и неумение осуществлять «правильную политику», так и не предложили самого главного: механизма реализации своих красивых благопожеланий.

Второй крупнейшей партией либеральной ориентации был «Союз 17 октября» (октябристы), организационно оформившийся в 1906 г. Октябристы были значительно правее кадетов, и их представления в области государственного устройства носили более определенный характер. Они выступали за конституционную монархию, рассматривая Октябрьский манифест как «величайший переворот в судьбах отечества», устанавливавший начала конституционной монархии. Они ратовали за сохранение единства и нераздельности Российского государства, но при обязательном равенстве всех народов и при их праве на культурное развитие. Они считали, что монарх должен сохранять свои сильные властные прерогативы, но лишь в союзе с народным представительством. Октябристы выступали за свободу слова, собраний, союзов, свободу передвижения, свободу труда, предпринимательства, за неприкосновенность собственности. В области аграрной они находили необходимым осуществить насущные реформы для «решительного и бесповоротного приобщения крестьян к полноте гражданских прав наравне с остальными гражданами». Они предлагали снять все правовые ограничения для крестьян и оказать «государственную поддержку поднятию производительности земледелия». Признавая остроту рабочего вопроса, октябристы ограничивались призывами пересмотреть и усовершенствовать рабочее законодательство, развивать страховую помощь, разрешить свободу профсоюзов, но при этом «законодательно регулировать условия экономической борьбы».

Октябристы не являлись строго организованной партией; это был скорее временный союз довольно разношерстных общественных элементов из числа имущих, желавших принять участие в выработке политических решений. Во главе партии стояло

правое крыло земско-либерального движения во главе с графом П.А. Гейденом, Д.Н. Шиповым, М.А. Стаховичем, Н.А. Хомяковым. Но уже в 1906 г. на первую роль выдвинулся выходец из семьи старинного московского купечества, известный деятель Московского городского управления А.И. Гучков, ставший бесспорным лидером этой партии.

В конце 1905 г. начали возникать и политические партии правой ориентации, объединявшие сторонников неограниченной монархии, приверженцев исторических начал власти, выступавших против конституционных нововведений и усматривавших в них угрозу трону и России. Но сколько-нибудь серьезной организованной политической силы у власти не было. Потом, когда была избрана Третья Государственная дума, появились значительные фракции проправительственной направленности, но вне думских стен политических организационных структур подобной ориентации почти не было. Это объяснялось не отсутствием сторонников монархии, не тем, что все население сплошь стало либеральным или радикальным. Суть проблемы коренилась в другом: самые лояльные элементы оказались и наиболее политически инертными. Консервативное мировоззрение (на современном политологическом жаргоне это называется «ментальностью») зиждилось на вере и традиции, на почитании власти, на признании Божественного происхождения ее. Эти ценности, эти представления невозможно было пропагандировать на митинге, их нельзя было соблазнительно изложить в политической листовке или на страницах массовой брошюры. Русский человек, русский монархист и православный человек являлись в данном случае синонимами. Вера в Бога, вера в царя, вера в Россию существовала нераздельно, и если не было одной из составляющих эту триаду, то не могло существовать и остальных.

Попытки создания крепкой общероссийской монархической партии, партии порядка, партии традиции предпринимались неоднократно и начались они еще до революционных потрясений 1905 г. Первой заметной общественной организацией в этом ряду стало Русское собрание, возникшее в конце 1900 г. Устав его был утвержден 26 января 1901 г. Задачи его деятельности формулировались следующим образом: «Ознакомить общество со всем, что сделано важного и своеобразного русскими людьми во всех областях научного и художественного творчества». Вначале общество сконцентрировало свои усилия на организации библиотек и читален, проведении вечеров и лекций по русской истории и культуре. Во главе организации стояли писатель князь Д.П. Голицын, правнук декабриста князь М.В. Волконский, барон Н.А. Энгельгардт, издатель влиятельной газеты «Новое время» А.С. Суворин, профессор А.С. Вязигин, приват-доцент Петербургского университета, литературовед, журналист и писатель Б.В. Никольский.

Русское собрание несколько лет было центром притяжения всех правых сил. В ноябре 1905 г. оно опубликовало свою избирательную программу, ставшую образцом для подражания других монархических организаций. В ней однозначно выражалась приверженность неограниченной монархии и говорилось о необходимости единения царя и народа. В конце 1905 г. в Петербурге возникла еще одна значительная правая организация — «Союз русского народа», возглавлявшаяся известными в последующем деятелями А.И. Дубровиным и В.М. Пуришкевичем. Первый был врачом по профессии и состоял ранее в Русском собрании, а второй происходил из дворян Бессарабской губернии, служил чиновником в Министерстве внутренних дел и был завсегдаем петербургских консервативных салонов. «Союз русского народа», устав которого был зарегистрирован 7 августа 1906 г., вскоре стал самой массовой и влиятельной организацией правого толка.

Выборы в Государственную думу проходили в феврале—марте 1906 г., когда в стране все еще были накалены общественные страсти, когда ежедневно из различных мест империи поступали сообщения о погромах, поджогах, насилиях и убийствах на политической почве. Но ситуация уже начинала поддаваться контролю со стороны

властей, хотя в некоторых окраинных районах продолжала сохраняться нестабильность и там не удалось провести выборы. Некоторые левые и правые группы призывали к бойкоту избирательной кампании, и здесь самой влиятельной была большевистская партия, все еще не потерявшая надежду на возможность массового народного восстания. Помимо большевиков выборы бойкотировали эсеры и правые партии.

В общей сложности в Первую думу было избрано 478 депутатов. По политической принадлежности они распределились следующим образом: кадетов — 176, октябристов — 16, беспартийных — 105, крестьян-трудовиков — 97, социал-демократов (меньшевиков) — 18, а остальные входили в состав регионально-национальных партий и объединений, в значительной части примыкавших к либеральному крылу.

Открытие Думы стало крупным общественным событием; его подробно описывали все газеты. Накануне заседаний первой сессии делегаты Государственной думы и Государственного совета были приняты в Георгиевском зале Зимнего дворца императором, который обратился к ним с речью. Среди прочего он сказал: «С пламенной верой в светлое будущее России Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным моим подданным выбрать от себя. Трудные и сложные работы предстоят вам. Верю, что любовь к Родине, горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас». Царь выражал надежду, что думцы отдадут «все свои силы на самоотверженное служение отечеству, для выяснения нужд столь близкого Моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия Государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права». Местом заседаний Думы был определен старый Таврический дворец. И во второй половине дня 27 апреля после краткого молебна она приступила к работе и сразу же выказала свое крайне радикальное настроение.

К этому времени кабинет С.Ю. Витте пал и премьером был назначен известный царедворец И.Л. Горемыкин, убедивший царя пригласить на пост министра внутренних дел бывшего Гродненского, а затем Саратовского губернатора П.А. Столыпина. Новому правительству досталось тяжелое наследство. Кабинет С.Ю. Витте, находясь у власти шесть месяцев, не подготовил к открытию Думы законопроектов, которые должны были бы стать предметом рассмотрения народного правительства, считая, что Дума сама должна заняться законотворчеством. И она занялась. Буквально с первых часов своды Таврического дворца стали оглашать призывы и декларации крайне радикального характера: объявить всеобщую амнистию, создать ответственное правительство, ввести всеобщее избирательное право, наделить крестьян землей и т.д. Либеральные газеты, ежедневно публикуя подробные и сочувственные материалы о работе законодательного органа, единодушно называли его «Думой народного гнева».

Депутаты хотели всего и сразу, и это их желание делало Думу больше похожей на антиправительственный митинг, чем на работу серьезного и ответственного государственного органа. Большинство депутатского корпуса не было заинтересовано в конструктивной работе. Разгоряченные баталиями революционных битв, многие смотрели на думскую трибуну как на новый инструмент социальной борьбы, позволявший делать бесплатную рекламу и конкретным лицам, и определенным политическим течениям. Все это происходило в атмосфере непрекращающегося террора революционеров. По неполным данным, в январе 1906 г. было совершено 80 убийств, в феврале — 64, в марте — 50, в апреле — 56, в мае — 122, в июне — 27. Сотни людей стали жертвами беспощадных «борцов за свободу», и ни один из этих актов не был осужден не только левыми, но и кадетами.

Первое время исполнительные государственные структуры находились в состоянии растерянности. Конечно, зная состав участников думской ассамблеи, правительство не питало особых иллюзий. Однако столь резкий антиправительственный тон думского собрания, беспощадные и оскорбительные выпады по адресу отдельных лиц и государственных учреждений, принятые большинством депутатов, оказались

неожиданными. Но правительство не оставляло надежд на сотрудничество и выказывало Думе явные знаки внимания. Перед депутатами выступали глава кабинета, министры. Согласно закону, Дума была наделена правом делать запросы высшим инстанциям о неправомочных действиях лиц и учреждений. Это стало любимым занятием большинства. Достаточно было столичной газете написать о «произволе» властей, привести какие-то «факты» (в большинстве своем сфабрикованные бойкими «мастерами пера»), как тут же следовал запрос, и перед негодующей толпой народных избранников предстало высшее должностное лицо. И начиналось своего рода судилище.

Для высших сановников это часто было настоящим потрясением. Но находились и такие, кто смело «шел в бой», спокойно и аргументированно отвечал на выпады и этим поддерживал престиж власти. Первое место в этом ряду занимал новый министр внутренних дел, которому неоднократно пришлось пройти «думское чистилище». Он не оправдывался (как делали многие другие), а излагал факты и свои взгляды по различным вопросам. Выступая 8 июня 1906 г., П.А. Столыпин говорил с думской трибуны: «Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластье, нельзя не считать опасным безволие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство — аппарат власти, опирающийся на законы, отсюда ясно, что министр должен будет требовать от чинов министерства не только осмотрительности, осторожности и справедливости, но и твердого исполнения своего долга и закона».

Первая Дума просуществовала чуть больше двух месяцев и основную часть времени уделила обсуждению самого жгучего вопроса социальной жизни — аграрного. Центром обсуждения стало два проекта. Первый внесли кадеты. Он предусматривал дополнительное наделение крестьян землей за счет земель казенных, монастырских, удельных, а также за счет частичного отчуждения частновладельческих земель за выкуп «по справедливой (но не рыночной) оценке». Второй проект внесла фракция трудовиков. Он носил еще более радикальный характер и предусматривал отчуждение помещичьей земли, превышающей «трудовую норму», создание «народного земельного фонда» и введение уравнительного землепользования. Обсуждение этих предложений вылилось в громкое обличение общественного строя. Поднимавшиеся на трибуну ораторы негодовали и произносили эмоциональные монологи о том, что «простой труженик» почти лишен «средств пропитания», в то время как правительство защищает и охраняет интересы и привилегии помещиков.

В этих обвинениях была своя правда. Но правда была и в том, что простым перераспределением земельных наделов аграрный вопрос в России решить было нельзя. Требовалось не просто у одних отнять, а другим дать; необходимо было изменить не столько **размер землевладения**, сколько **качество землепользования**, которое отличалось допотопным обликом, чрезвычайно низкой эффективностью, позволявшей крестьянам существовать на уровне минимальной достаточности. Для коренной модернизации требовалось не отнимать землю, а создавать крепкого индивидуального землевладельца, умевшего и желавшего вести современное аграрное производство, стабильно нацеленное на рынок.

Царь был категорическим противником всех форм отчуждения собственности, не без основания считая, что потакание низменным инстинктам толпы безответственно, что какое-либо покушение на незыблемость прав собственности чревато непредсказуемыми социальными потрясениями, что любое «частичное изъятие» создаст сокрушительный прецедент. Противники громко обвиняли царскую власть в том, что она стоит на страже «интересов помещиков и капиталистов», но на самом деле монарх стоял на страже принципа неприкосновенности частной собственности и этому убеждению он был верен всегда.

Правительство болезненно реагировало на направление деятельности Государственной думы и 20 июня выступило с заявлением, в котором говорилось о неприкосновенности частной собственности на землю. 9 июля 1906 г. Первая Государственная дума была распущена и объявлены новые выборы. На следующий день группа кадетов и трудовиков собралась в Выборге, где опубликовала так называемое «Выборгское воззвание», в котором в знак протеста «против роспуска народного представительства» население призывалось к пассивному сопротивлению: не платить налоги, избегать рекрутской повинности, а зарубежные правительства призывались не предоставлять России займы. Эта акция никакого успеха не имела.

Выборы во Вторую Государственную думу проходили в начале 1907 г., и первая сессия ее открылась 20 февраля 1907 г. В общей сложности было избрано 518 депутатов: кадетов — 98, трудовиков — 104, социал-демократов — 68, эсеров — 37, беспартийных — 50, октябристов — 44. Остальные голоса получили правые (националисты), представители регионально-национальных партий, казаки и некоторые мелкие политические объединения. Состав Второй думы отразил поляризацию сил в обществе, и хотя среди депутатов значительную группу составляли правые, перевес был на стороне левых, так как кадеты часто солидаризировались с ними. Аграрный вопрос опять оказался в фокусе внимания, но теперь уже существовала правительственная программа переустройства землевладения и землепользования, ставшая объектом ожесточенных нападок. Довольно быстро власти стало ясно, что ждать конструктивной работы от новой Думы не приходится. К тому же поступали сведения, что левые, прикрываясь депутатским иммунитетом, занялись откровенной антиправительственной деятельностью и вне стен Таврического дворца. Дума отказалась лишить депутатских полномочий социал-демократическую фракцию. В ночь на 3 июня 1907 г. полиция арестовала, а затем предала суду группу думских социалистов. Через несколько часов последовало сообщение о роспуске представительства и был опубликован новый избирательный закон.

Новые избирательные правила изменяли пропорции представительства отдельных групп населения. Предпочтение отдавалось наиболее состоятельным и ответственным общественным элементам. Если по старому закону крестьяне выбирали 42% выборщиков, землевладельцы — 31%, горожане и рабочие — 27%, то теперь соотношение изменялось. Крестьяне получали 22,5%, землевладельцы — 50,5%, горожане и рабочие — 27%, но при этом горожане разделялись на две курии, голосовавшие отдельно. Было сокращено представительство окраин: Польши — с 29 до 12 депутатов, Кавказа — с 29 до 10.

Неудачный опыт кратковременного существования первых двух Дум обострил дискуссии в правящих кругах России о характере избираемого представительства и его нужности. Крайне правые деятели, борцы «за чистоту монархической идеи», вообще стали ратовать за ликвидацию подобного органа или, по крайней мере, за отсрочку его созыва на неопределенное время. Они считали, что «пропаганда нигилистов и радикалов» сделала избранных антигосударственными людьми. Но находились и такие, кто честно смотрел правде в глаза и не стремился абсолютизировать частности. К числу последних относился Петр Аркадьевич Столыпин, занявший летом 1906 г. пост главы правительства. Противником ликвидации народного представительства был и Николай II, никогда серьезно не принимавший призывы вернуться к прошлому.

§ 5. Революция 1905—1907 гг. и облик государственной системы. Либералы и власть: упущенные возможности

Первая русская (российская) революция началась 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») и закончилась 3 июня 1907 г. («третьеиюньский государственный переворот»). Такова общепринятая датировка. Почти два с половиной года в стране бушевали невиданные общественные страсти. Забастовки, локауты, разрушения затронули как отдельные промышленные предприятия, частные и общественные

учреждения, так и многие районы империи. Западные области, Кавказ, Сибирь, Москва, Черноземный центр были охвачены стачками и беспорядками. Во многих местах доходило до вооруженных столкновений и даже, как, например, в Прибалтийских губерниях осенью 1905 г. или в Москве в декабре того же года, до настоящих сражений между войсками и восставшими. Среди последних тон задавали оснащенные оружием и определенной идеологией «профессиональные революционеры», чаще всего социалистической ориентации. Немало людей погибло или получило увечья. Точное число жертв никто не считал (да это и невозможно), но оно несомненно исчислялось тысячами и тысячами.

После 1905 г. в стране очень многое изменилось. Легально стали действовать политические партии, а те, которые и не были легализованы, как, например, социал-демократы («большевики» и «меньшевики»), издавали печатные материалы, имели своих ораторов в национальном представительном органе. Цензура не была упразднена, но ее воздействие ощущалось лишь в тех случаях, когда раздавались прямые нападки на власть или откровенные призывы к ниспровержению существующего строя.

Правовой и политический облик государственной системы значительно изменился. 23 апреля 1906 г. царь утвердил новую редакцию «Основных законов Российской Империи», отразивших изменившиеся социальные условия. «Основные законы...» содержали положения, устанавливавшие и регулировавшие существование и взаимодействие высших государственных органов. Здесь же перечислялись основные права и обязанности подданных. Законы были опубликованы накануне открытия заседаний Первой Государственной думы, 27 апреля 1906 г., и включали 223 статьи. В их числе: о гарантиях личности в случае ареста и суда, о неприкосновенности жилища, о неприкосновенности собственности (исключение составляли лишь случаи судебного преследования, но и тогда предусматривалось, что конфискация может происходить лишь при государственной надобности и при неременной компенсации), право на свободное избрание местожительства и профессии, право свободного выезда за границу, право на свободу вероисповедания, право «в пределах установленных законом» выражать и распространять свои мысли». Все эти положения отвечали универсальным принципам гражданской свободы.

В общеполитической части говорилось о том, что Россия — «единая и неделимая» страна, и определялась роль государственного языка: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами». Монарх сохранял титул «самодержец», но уже не было положения о том, что прерогативы его «неограниченны». Согласно «Основным законам...» от 23 апреля 1906 г., выработанный правительством законопроект не становился законом без одобрения Думы и Государственного совета. Тем самым власть императора утрачивала свой абсолютистский характер. Правда, законопроект, принятый обеими палатами, не мог стать законом без согласия царя. Царское право вето имело неоспариваемый характер, но, согласно статье 122, Дума наделялась правом возвращаться к обсуждению законопроекта.

Обе палаты были не только уполномочены своим одобрением превращать в законы представленные законопроекты, но и наделены правом законодательной инициативы, которая, впрочем, не распространялась на «Основные законы...». Кроме того, законодательно было закреплено положение о несменяемости судей, что на правовом уровне определило разделение властей — исполнительной, законодательной, судебной — основополагающего принципа любого конституционного строя. И здесь неизбежно возникает вопрос о том, стала ли Россия после 1905 г. конституционным государством или все нововведения и изменения касались лишь внешней стороны, не затрагивали сути?

Споры по этому поводу разгорелись сразу же после появления Манифеста 17 октября 1905 г. и с новой силой возобновились после издания новой редакции «Основных законов...» от 23 апреля 1906 г.

Не подлежит сомнению, что с момента Манифеста 17 октября и новой редакции «Основных законов...» 1906 г. облик власти, характер всей государственной системы претерпели существенные изменения. Впервые в истории император был как бы «вписан» в законодательно-правовую систему координат. Ему законодательно вменялось в обязанность соблюдать определенные правила поведения в вопросах политических. Скажем, имея право распускать Государственную думу своими указами, монарх был обязан в них сообщать о назначении новых выборов и времени созыва нового представительного органа. Ничего подобного раньше в России не было, и царь всегда был выше писаного закона. Эти изменения, конечно же, свидетельствовали о коренном сдвиге развития российской государственности от национальной «исконности» к европейской «универсальности».

Консервативные круги предупреждали царя об опасности конституционного эксперимента, полагая, что любое избранное представительство может превратиться в Учредительное собрание и изменить основополагающие принципы государственного устройства. Эти опасения разделял царь, и они стали главным побудительным мотивом издания новой редакции «Основных законов...» до открытия Думы. В то же время глава кабинета С.Ю. Витте, в первые месяцы своего премьерства обуреваемый прекраснотушными мечтами, старался уверить Николая II в том, что Дума послужит ему «опорой и помощью». Однажды, в самом конце 1905 г., царь не выдержал и заметил: «Не говорите мне этого, Сергей Юльевич, я отлично понимаю, что создаю себе не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени». Реальность не подтвердила этих ожиданий.

Введение представительных государственно-правовых институтов и либерально ориентированных общественных порядков нельзя было не заметить, но их не замечали. Не хотели замечать. Левые — потому, что эволюционное развитие не отвечало их стратегическим целям и главной из них — сокрушению монархической государственности и утверждению левой доктрины в качестве господствующей. Правые — в силу того, что, как они полагали, новые порядки и учреждения ведут к разрыву с русской исторической традицией и приведут с неизбежностью к крушению исторической России. В начале 1906 г. руководство самой массовой организации правых — «Союза русского народа» — рассылало по всей стране воззвание под характерным названием «Самодержавие или конституция?», где говорилось, что «истолковывать законы о Государственной думе и Манифест 17 октября как введение конституции (парламентского строя) для России и отказ государя от самодержавия могут только люди, желающие взять государственную власть в свои руки».

Как это часто бывало в истории (и не только российской), крайне правые и крайне левые силы в борьбе за достижение своих политических целей нередко по существу становились союзниками (вне зависимости от фразеологии политических программ). Так получилось и в данном случае: по совершенно разным причинам и те и другие с резким неприятием относились к новому правительственному курсу. Но существовали ли общественные силы и течения, понявшие и поддержавшие направление, эволюцию государственности, одобрявшие конкретные политические шаги руководства страны? Такие силы имелись, однако они были разрознены и в общем-то политически значимой силой их и назвать-то нельзя. Позже, в период Третьей думы, появились партии[^] («Союз 17 октября») и фракции (националисты), выказывавшие правительству поддержку (далеко не безусловную), но вне стен Таврического дворца общественная симпатия ощущалась

весьма слабо. Главные законодатели либерального общественного мнения, самые именитые творцы либеральной моды настроены были критически.

Накануне открытия Первой Государственной думы съезд Конституционно-демократической партии (кадеты) откликнулся на новую редакцию «Основных законов...», по предложению П.Н. Милюкова приняв резолюцию, где говорилось: «Накануне открытия Государственной думы правительство решило бросить русскому народу новый вызов. Государственную думу, средоточие надежд истстрадавшейся страны, пытаются низвести на роль прислужницы бюрократического правительства, никакие преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от исполнения задач, которые возложил на них народ». Подобные настроения свидетельствовали, что сотрудничества впереди не предвидится и конфронтационная борьба неизбежно разгорится с новой силой уже в условиях существования представительного органа. Выразители «чаяний несчастной России» из числа интеллектуальной элиты все еще видели «угрозу свободе» там, где ее уже не было, боролись с тем и теми, с кем во имя будущего, во имя спасения и себя и страны надо было заключить долговременное перемирие.

Через тридцать лет, находясь в эмиграции, один из виднейших отечественных общественных деятелей П.Б. Струве писал: «Начиная с декабря 1905 г., с момента Московского вооруженного восстания, — как бы ни оценивать политику правительства в период 1905—1914 гг., — реальная опасность свободе и правовому порядку грозила в России уже не справа, а слева. К сожалению, вся русская оппозиция с Конституционно-демократической партией во главе не понимала этого простого и ясного соотношения. Этим определялись не только ошибочная политика, какую вели, но и неправильный духовный и душевный тон, который после 17 октября 1905 г. брали силы русского либерального демократизма в отношении царского правительства вообще и П. А. Столыпина в частности». Горькое и позднее прозрение! Но тогда, в период революции, в те переломные годы, ни Струве, ни его друзья и единомышленники ничего подобного не писали и не говорили.

Еще летом 1902 г. за границей начал выходить под редакцией П.Б. Струве нелегальный журнал «Освобождение», ставший фактически главным рупором либеральных сил, выражавший интересы в первую очередь левого крыла земско-либеральной общественности. В первых номерах этого известного журнала была опубликована политическая программа, содержащая перечень первоочередных задач: введение народного представительства, независимость суда, гарантии гражданских прав и свобод (печати, собраний, союзов, петиций), свобода вероисповедания. Все остальные проблемы — аграрный вопрос, рабочее законодательство, административная реформа, культурно-образовательные преобразования — должны были решаться лишь после конституирования основных политических и социальных прав и свобод.

Через три с половиной года первоочередные требования либералов получили свое законодательное оформление почти в том виде, как это им представлялось в 1902 г. Казалось бы, что открывались реальные возможности для конструктивного сотрудничества общественности с властью. Но «общественность» к тому времени стала «более прогрессивной» и ее уже не устраивало то, что еще вчера являлось желанной мечтой. Лидеры либерализма решили, что отныне они должны требовать не выполнения программ, а предоставления им, просвещенным и передовым, всей полноты власти. С этой целью стала популяризироваться идея создания «ответственного правительства», т.е. кабинета, формируемого и подотчетного не монарху, а им, депутатам — выразителям «чаяний и нужд» народа. Насколько эти требования были обоснованными?

Согласно закону, члены Думы пользовались определенными правами: не подлежали судебному преследованию (согласие на это могла дать лишь пленарная сессия собрания), получали ежедневное денежное довольствие из казны в размере 10 рублей за каждый день заседаний, имели право на оплачиваемый из казны проезд по России от

места жительства до Петербурга. Как было сказано в законе, «при вступлении в Думу» депутатам надлежало подписать «торжественное обещание», гласившее: «Мы, нижепоименованные, обещаем пред Всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности членов Государственной думы по крайнему нашему разумению и силам, храня верность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся». Эту присягу давали все, но лишь немногие готовы были ее выполнять.

В статье 14 закона о Государственной думе записано: «Члены Государственной думы пользуются полной свободой суждений и мыслей по делам, подлежащим ведению Думы, и не обязаны отчетом перед своими избирателями». Это положение было чрезвычайно важным и показательным. Критикуя «Основные законы...», вынося беспощадные уничижительные вердикты российскому законодательству и всему порядку организации и деятельности Думы, ни один из «просвещенных и либеральных» никогда не заикнулся о несуразности второй части статьи 14, законодательно утверждавшей политическую безответственность депутатов. Это положение было очень удобным. Думцы ни перед чем и ни перед кем отчета не держали и, являясь по сути собранием безответственных деятелей, требовали создания ответственного перед ними правительства! Многие не несли даже моральной ответственности и перед Богом, так как русские либералы (не говоря уже о радикалах) в подавляющей массе являлись стойкими атеистами (слова «Бог» и «церковь» были не из их лексикона).

В либеральной среде было потрачено много слов и аргументов на доказательство того, что историческая власть не хотела «действительных реформ», что во всем виновато исключительно правительство. Этот тезис различные общественные деятели страстно отстаивали и в России, а когда оказались в эмиграции, то и там не могли избавиться от подобного мировоззрения, походившего уже на болезненное наваждение. Один из самых непримиримых кадетских лидеров И.И. Петрункевич и через двадцать лет после 1905 г. писал: «Император Николай II в своем Манифесте 17 октября торжественно обещал установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы. Тем не менее, все законы, опубликованные в промежутке времени от Манифеста до созыва Первой думы, были изданы без одобрения Государственной думы и, следовательно, были нелегальны и не могли иметь силы». Ничего не понял и ничему не научился! Подобной зашоренности сознания можно только удивляться. Что же должна была сделать власть, чтобы расположить к себе деятелей типа Петрункевича. Ведь согласно подобной перевернутой логике нельзя было вообще проводить выборы, так как избирательный закон «не был одобрен» Государственной думой! Но свои мандаты ни Петрункевич, ни его соратники не сложили.

Когда вышел Манифест 17 октября 1905 г., то кадетско-либеральная фронда стала требовать, чтобы положения Манифеста начали реализовываться чуть ли не на следующий день после его издания и призывали власть «немедленно составить» кабинет из «общественных деятелей». Но никто не задумывался над тем, сколько бы времени просуществовало такое правительство и когда бы наступило всеобщее крушение. А оно наступило бы неизбежно и очень скоро, потому что либеральные деятели были людьми фразы и позы, а не людьми дела.

Через много лет, накануне второй мировой войны, это с грустью констатировал участник тех событий, один из главных лидеров кадетской партии В.А. Маклаков: «Но что показала либеральная общественность в лице кадетской партии в эпоху Первой Государственной думы? Она оказалась способна только мешать; мешала в их деле и революционерам, и реформаторам... А своих государственных людей она не выдвинула потому, что свою созидательную силу они могли бы показать только в сотрудничестве с исторической властью; а этого кадетская партия не захотела, так как легкомысленно вообразила, что власть «повержена» и «подняться не может», «революционеры» им подчинятся и что они все смогут одни. И жизнь прошла мимо этих детских претензий».

27 апреля 1906 г. царь призвал депутатов к совместной работе и указал основные проблемы русской жизни, которые необходимо решать совместными усилиями Думы и правительства. Депутаты выслушали эти слова и вечером того же дня собрались под сводами Таврического дворца на первую сессию Государственной думы первого созыва. И сразу же разгорелась «битва»: с одной стороны было большинство Думы, обуреваемое жадной возмездия за проигранные «общественные сражения» (к весне 1906 г. стало ясно, что победа не на стороне революции), а с другой — правительственные круги, историческая власть, которой приходилось учиться жить и действовать в новых политических условиях.

Эпохальное собрание началось в Таврическом дворце в пять часов пополудни. Прежде всего надлежало решить ряд важных организационных вопросов и первый среди них — избрание председателя Думы. Почти единогласно (за него проголосовало 426 человек из 436, принимавших участие в голосовании) прошла кандидатура доктора римского права, профессора Московского университета кадета С.А. Муромцева. Оставались другие первоочередные темы: утверждение регламента работы Думы и подготовка ответного адреса на тронную речь императора. Но в тот же вечер 27 апреля стало ясно, что народные избранники отдают предпочтение «жестам», а не «результатам». Как только председатель занял свое кресло, на трибуну буквально выбежал кадет И. И. Петрункевич и разразился страстной тирадой, которая во всем блеске продемонстрировала общее настроение собрания.

Воспроизведем ее по стенограмме: «Долг чести, долг нашей совести повелевает, чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово было посвящено тем, кто пожертвовал своей свободой за освобождение дорогой нам всем Родины (*гром аплодисментов*). Все тюрьмы в стране переполнены (*продолжительные аплодисменты*), тысячи рук протягиваются к нам с надеждой и мольбой, и я полагаю, что долг нашей совести заставляет нас употребить все усилия, которые дает нам наше положение, чтобы свобода, которую покупает себе Россия, не стоила больше никаких жертв (*продолжительные аплодисменты*). Мы просим мира и согласия. Я думаю, господа, что если в настоящую минуту мы и не приступим к обсуждению этого вопроса, а коснемся его тогда, когда будем отвечать на тронную речь Государя Императора, то сейчас мы не можем удержаться, чтобы не выразить всех накопленных чувств, крика сердца и не сказать, что свободная Россия требует освобождения всех пострадавших (*продолжительные аплодисменты*)».

Гремели аплодисменты, собравшиеся были возбуждены и воодушевлены. По представлениям думского (кадетского) большинства, первоочередная акция должна свестись к тому, чтобы объявить всеобщую амнистию политическим заключенным. Но ведь такая амнистия уже была объявлена. Еще 21 октября 1905 г. был опубликован царский указ, где предписывалось «освободить от преследования, суда и прочих последствий и даровать полное помилование всем совершившим до 17 октября 1905 г. преступные деяния без насилия». Политические оппоненты режима получили право жить и действовать совершенно открыто, а главные действующие лица русской эмиграции вернулись в Россию.

Так кого же надо было амнистировать? Тех, кто попал под арест и следствие с конца октября 1905 г. по конец апреля 1906 г., тех, кто непосредственно замешан в насилиях. Это были поджигатели, грабители («экспроприаторы»), убийцы. И либеральное общественное мнение им сочувствовало, поднимало их имена на щит, выставляя подобных лиц «жертвами правительственного террора». Остановимся только на одном из самых громких в свое время случаев.

В начале 1906 г. советник Тамбовского губернского правления Г.Н. Луженовский, ездивший по губернии прекращать беспорядки, на вокзале в Тамбове был смертельно ранен пулей в живот. Стреляла в него недоучившаяся гимназистка, член организации эсеров, девятнадцатилетняя дворянка М. Спиридонова (после 1917 г. ставшая лидером

партии левых эсеров). Толпа на вокзале ее избила. Полиция с трудом избавила ее от самосуда и препроводила в тюрьму. Оттуда она прислала своим соратникам письмо, в котором обвиняла арестовавших ее во всевозможных издевательствах. Это письмо опубликовали в целом ряде газет, в том числе и столичных.

Общественность негодовала и требовала расследования. Оно было проведено и не подтвердило этих обвинений, а сама Спиридонова о них больше не упоминала. Суд состоялся 12 марта 1906 г. и приговорил обвиняемую, которая ни в чем не раскаялась, к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Шум вокруг дела сразу стал стихать, как только публике довелось увидеть во всей красе «жертву режима». Она производила впечатление психически неуравновешенного человека. В этой связи умеренно-консервативная газета «Санкт-Петербургские ведомости» вопрошала: «Как можно было галлюцинации больного, тяжело ушибленного человека печатать в качестве важного обвинительного материала?» Но ответа не было. «Читающая публика» интересовалась лишь «произволом власти», в то время как реальный **произвол** радикалов ее не занимал. И прошло почти незамеченным то, что двое офицеров полиции, которых оклеветала Спиридонова, по ее наводке были убиты террористами.

Первые дни Государственная дума была занята обсуждением ответного адреса на тронную речь императора. И в этих дискуссиях, полных эмоционального накала и страстности, обозначились приоритеты-требования. Помимо амнистии в их число входило: создание ответственного перед Думой правительства, упразднение Государственного совета, введение всеобщего избирательного права, обновление администрации на всех уровнях. Иными словами, думцы ратовали, по существу, за ниспровержение существовавшего строя, хотя и не признавались в этом.

В конце политических требований стояли социальные вопросы и острейший среди них — аграрный. Крестьянское малоземелье намеревались разрешить путем изъятия государственных, церковных и части частновладельческих земель с передачей их крестьянам. Это была обычная политическая риторика, доступная и понятная крестьянству, с которым заигрывали как могли (ведь это главная категория выборщиков!). Реализация подобной программы аграрную проблему не решала, так как не устраняла главную причину тяжелого положения крестьянства — малоэффективные формы землевладения и землепользования. Что же касается рабочего вопроса, то Дума считала, что первым шагом для его разрешения должно быть «обеспечение наемным рабочим во всех отраслях труда свободы организации и самостоятельности для поднятия своего материального благосостояния». Ничего более вразумительного депутаты придумать не могли.

Адрес был принят 5 мая 1906 г., а через неделю с речью выступил премьер И.Л. Горемыкин. В своем выступлении глава правительства сформулировал первоочередные задачи совсем иначе, чем это виделось депутатам. На первом месте стоял аграрный вопрос, но пути его решения не соответствовали тем, к чему призывали собравшиеся в Таврическом дворце: «Совет министров считает своею обязанностью заявить, что решение этого вопроса на предложенных Государственною думою основаниях безусловно недопустимо. Государственная власть не может признать права собственности на земли за одними и в то же время отнимать это право у других. Не может государственная власть и отрицать вообще право частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество». Власть ясно и последовательно отвергала самую идею экспроприации, понимая, что ни в коем случае нельзя потакать подобным вожделям. Те, кто называл себя русскими либералами, этого не понимали и во имя политической конъюнктуры переступали через принцип, нерушимый в любом правовом государстве: неприкосновенность частной собственности.

Через несколько недель после начала работы Первой Государственной думы стало очевидным, что сотрудничества между властью и представительным учреждением не предвидится. И исторический шанс примирения во имя социальной консолидации был

упущен. Либералы обвиняли правительство в том, что оно не пошло навстречу «чаяниям страны», а правящие круги возмущались поведением депутатов, их крайними лозунгами, экстремистскими призывами, отсутствием у них хоть каких-то примирительных нот вообще. По этому поводу В.А. Маклаков заметил: «Идеология Думы была уделом ничтожного интеллигентского меньшинства населения. Народ тогда еще не мыслил государства без Государя. Власть Государя была для него более привычной и признанной, чем власть новорожденной Думы. Заняв такую позицию, давая отпор незаконным претензиям Думы, правительство защищало не одну конституцию, но понимание обывательской массы. И если бы, как позднее утверждал либеральный канон, правительство только и мечтало о поводах к роспуску Думы, зачем оно им не воспользовалось? Ясно, что ни Государь, ни министры разрыва совсем не хотели, и после адреса они все еще надеялись с Думой работать». Это соображение участника и очевидца тех событий представляется вполне обоснованным.

Что же показала первая революция в России? Каковы были ее обретения, сколь велики оказались потери? Государственная система России претерпела существенные изменения, крупные сдвиги произошли в социальной и культурной жизни. Либерально-правовые нормы входили в повседневность, и для защиты своих прав уже требовались не столько связи и знакомства среди сильных мира, сколько умение найти грамотного и опытного адвоката, способного защитить интересы как юридического, так и физического лица. Но все это касалось главным образом состоятельной части общества, крестьянство в большинстве случаев оставалось за чертой законодательно-правового обеспечения. Но и в жизни деревни происходили изменения. Начавшая реализовываться с конца 1906 г. столыпинская аграрная реформа меняла правовой статус члена общины, вела к миграции больших групп населения из районов аграрного перенаселения центральных губерний европейской части России в Сибирь, на Алтай, где многие из прибывших за несколько лет становились крепкими сельскими хозяевами.

Революция создала представительный орган — Государственную думу, наделенную законодательными правами. В то же время революция негативно сказалась на экономической жизни страны, и финансовые убытки были огромны. Но самое главное — она показала всю мерзость кровавого социального конфликта, когда во имя политических целей убивали и калечили людей, часто ни в чем не замешанных; она показала весь ужас русского бунта, которому со времен Александра Пушкина предсказывали быть «бессмысленным и беспощадным». И когда в годы революции, по словам Д. Мережковского, «люди подошли к краю и заглянули в бездну», то многие содрогнулись. Но прозрели лишь некоторые.

§ 6. Партии социалистической ориентации в начале XX в.

Социал-демократы. В предгрозовой обстановке первых лет XX в. произошло окончательное организационное оформление основных партий социалистической ориентации.

Ведущие деятели социал-демократии понимали, что РСДРП, создание которой было провозглашено в 1898 г., существует лишь формально. На деле по-прежнему действует множество разрозненных кружков. Такое положение никак не устраивало В.И. Ленина, мечтавшего о централизованной и дисциплинированной партии типа «Народной воли». Он решил начать с создания общероссийской нелегальной марксистской газеты, которая должна выработать идейно-теоретическую платформу для объединения кружков в единую партию.

Еще находясь в ссылке, Ленин заручился согласием своих товарищей по петербургскому «Союзу борьбы» Ю.О. Мартова и А.Н. Потресова сотрудничать в будущей газете. В начале 1900 г. Ленин, которому запретили проживать в столицах,

поселился в Пскове и здесь провел совещание по вопросу о газете. Съехались многие видные социал-демократы. Было утверждено название газеты — «Искра».

Летом 1900 г. В.И. Ленин выехал за границу, чтобы практически заняться подготовкой издания. Наиболее трудными были переговоры с Г.В. Плехановым, который считался идейным руководителем российской социал-демократии. В результате договорились о формировании редакции на паритетных началах: трое от группы «Освобождение труда» (Плеханов, Аксельрод, Засулич) и трое от петербургского «Союза борьбы» (Ленин, Мартов, Потресов).

Местом издания газеты был избран Мюнхен. В канун 1901 г. первый номер «Искры» вышел в свет. Сначала газета выходила ежемесячно, затем — каждые две недели. Тираж, доходивший до 10 тыс., тайно переправлялся в Россию и распространялся по социал-демократическим кружкам. «Искра» стала нитью, незримо связывавшей их воедино. В 1902 г. при редакции был образован организационный комитет, который занялся подготовкой к съезду партии.

II съезд РСДРП, на котором присутствовало 43 делегата от 26 местных организаций, начал работу в июле 1903 г. в Брюсселе, а затем переехал в Лондон. Съезд принял программу партии, состоящую из двух частей: программа-максимум и программа-минимум. Первая из них в соответствии с марксистской доктриной конечной целью партии объявляла социалистическую революцию, установление диктатуры пролетариата и построение социализма. В программе-минимум определялись ближайшие цели: свержение самодержавия, введение демократической республики, уравнивание в правах всех граждан, установление 8-часового рабочего дня. Аграрный раздел этой программы требовал отмены выкупных платежей и возвращения «отрезков». Это были очень важные пункты, затрагивавшие наиболее острые вопросы крестьянской жизни.

Проект устава партии был написан Лениным. Большой спор разгорелся по первому параграфу. Ленин предлагал такую формулировку: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Это предполагало постоянный контроль партии над ее членами.

Мартов внес предложение, что членом партии может быть тот, кто признает ее программу и оказывает ей «регулярное личное содействие». Участие в работе местных партийных организаций при этом было не обязательно. Мартов исходил из того, что марксизм к этому времени получил значительное распространение среди интеллигенции, превратился в широкое идейное течение. Партия, по мысли Мартова, должна была охватить это течение, не стремясь контролировать каждого марксиста в отдельности.

С небольшим перевесом на съезде была одобрена формулировка Мартова. Но это мало изменило общий дух ленинского устава, построенного на началах централизма, что выражалось в жестких требованиях подчинения нижестоящих партийных организаций вышестоящим и в больших полномочиях Центрального комитета. Кроме того, ограничивался принцип выборности и широко внедрялось право кооптации членов центральных органов партии. Съезд принял устав в ленинской редакции, за исключением первого параграфа. Так что в целом Ленин одержал победу.

Это подтвердили выборы ЦК и редакции «Искры». Большинство мест получили сторонники Ленина. Их стали называть большевиками, в отличие от меньшевиков, сторонников Мартова. Среди последних оказался и Потресов. Плеханов не вошел ни в одну из фракций, но ближе был к меньшевикам. Большевики и меньшевики образовали два самостоятельных течения в РСДРП. Они то отдалялись друг от друга, то сближались, но никогда полностью не сливались. Фактически на II съезде возникло две партии под одной крышей. Одна из них, меньшевистская, ориентировалась на опыт западных социалистических партий. Другая, руководимая Лениным, изначально была нацелена на захват власти.

Сразу же после съезда ленинский ЦК постарался поставить под свой жесткий контроль все социал-демократические организации, в том числе и заграничные. Это вызвало недовольство меньшевиков. Возмутился и Плеханов. В редакции «Искры» произошел резкий конфликт между Лениным и Плехановым. В октябре 1903 г. Ленин был вынужден выйти из редакции. «Искра» оказалась в руках меньшевиков. Она выходила до октября 1905 г.

Вскоре в Женеве стала издаваться большевистская газета «Вперед». Две социал-демократические газеты вступили друг с другом в ожесточенную перепалку. Большевистские и меньшевистские лидеры принимали самостоятельные решения, никак не согласовывая их между собой. Меньшевики поддержали организованную «Союзом освобождения» «банкетную кампанию», а большевики продолжали вести против либералов беспощадную войну.

К началу 1905 г. РСДРП насчитывала до 10 тыс. членов (в России и за границей). Это был хороший показатель для молодой партии, находящейся на нелегальном положении. Фактически, однако, это были две партии, еще вполне не осознавшие свою особость и старавшиеся подавить друг друга. Это, конечно, их ослабляло. Меньшевики численно преобладали — и в России, и за границей, но большевики были активнее, напористей. Борьба, развернувшаяся в руководстве РСДРП, не сразу дошла до низовых звеньев. Рядовые члены, а иногда и руководители местных кружков по-прежнему считали себя социал-демократами, не примыкая ни к какой из фракций и не видя между ними особой разницы.

Эсеры. В 1901 —1902 гг. некоторые народнические кружки и группы объединились в партию социалистов-революционеров (эсеров). Большую роль в этом объединении сыграла газета «Революционная Россия», выходившая сначала в России (нелегально), а затем за границей, и ставшая официальным органом партии. К эсерам примкнули такие ветераны народнического движения, как Н. В. Чайковский и М. А. Натансон. Главным теоретиком и видным лидером партии стал В. М. Чернов, выходец из крестьян, занимавшийся подпольной деятельностью с гимназических лет. В своей программе эсеры сохранили тезис о крестьянской общине как зародыше социализма. Интересы крестьянства, говорили они, тождественны интересам рабочих и трудящейся интеллигенции. «Трудовой народ», считали эсеры, состоит из этих трех групп. Себя они относили к его авангарду. Грядущая революция представлялась им как социалистическая. Главную роль в ней они отводили крестьянству. Эсеры выступали за «социализацию земли», что означало отмену частной собственности на нее, изъятие из торгового оборота и уравнильное распределение между всеми, кто хочет ее обрабатывать (в общине, товариществе или единолично).

Партия эсеров не сложилась как единая, дисциплинированная и централизованная организация. В ней всегда было много анархии и самостоятельности отдельных лидеров и кружков. По этой причине эсеры очень долго (до 1905 г.) не могли созвать свой первый съезд. Центральный комитет, возникший как бы самочинно, без избрания, большим авторитетом не пользовался. Из-за частых арестов состав его постоянно менялся. В первые годы существования единство партии поддерживалось в основном усилиями трех энергичных лидеров — Г. А. Гершуни, Е. Ф. Азефа и М. Р. Гоца.

Г. Гершуни, по профессии скромный аптечный работник, когда-то увлекался культурно-просветительской работой, а затем воспринял идеи крайнего радикализма и перешел на нелегальное положение. Азеф сочетал учебу в Карлсруэ и Дармштадте с участием в работе заграничных революционных кружков. Получив диплом инженера, он целиком погрузился в связанные с революцией дела и стал одним из основателей партии эсеров. М. Гоц, сын купца-миллионера, был главным организатором всей заграничной работы партии и щедро ее финансировал.

К началу первой русской революции численность партии эсеров доходила до 2,5 тыс. челбвек. Из этого числа около 70% приходилось на интеллигенцию, примерно 25% были рабочими, крестьяне составляли чуть более 1,5%.

От «Народной воли» партия эсеров унаследовала тактику индивидуального террора. «Боевая организация» партии была обособленной и замкнутой группой с железной дисциплиной. Центральному комитету так и не удалось поставить ее под свой полный контроль. Первое время «Боевую организацию» возглавлял Гершуни. В 1902 г. эсер-боевик С.В. Балмашев застрелил министра внутренних дел Д.С. Сипягина. В 1903 г. был убит уфимский губернатор Н.М. Богданович, главный виновник «златоустовской бойни». При этом Гершуни был схвачен и попал на каторгу. «Боевую организацию» возглавил Азеф. 15 июля 1904 г. Егор Сазонов бросил бомбу в карету министра внутренних дел В.К. Плеве. Террористические акты, направлявшиеся против самых ненавистных деятелей режима, создавали преувеличенное представление о силе эсеровской партии. Но это был скользкий путь, впоследствии дорого обошедшийся эсерам.

Анархисты. Идеи анархизма появились в русском общественном движении со времен М.А. Бакунина. Видным теоретиком анархизма стал П.А. Кропоткин. В начале XX в., в условиях нараставшего революционного кризиса анархистское движение, этот спутник всех революций, заметно оживилось как в эмиграции, так и в самой России. В Лондоне вокруг Кропоткина образовалась «Группа русских рабочих анархистов-коммунистов». В 1903 г. в Женеве стараниями супругов Георгия и Лидии Гогелия была создана организация «Хлеб и Воля». При поддержке Кропоткина начала выходить газета с одноименным названием — первый русский анархистский печатный орган за границей. Небольшие группы российских анархистов появились в Болгарии, Германии, Франции и США.

В начале XX в. в России возникло три главных центра анархистского движения — в Белостоке Гродненской губернии (среди еврейской интеллигенции и ремесленников), Одессе и Екатеринославе. Всего же в 1904 г. по разным городам и местечкам действовало 29 анархистских организаций и групп. Некоторые из них состояли из 3—10 человек, но существовали и более многочисленные формирования.

В декабре 1904 г. анархисты-коммунисты и «хлебовольцы» собрались в Лондоне на свой I съезд. Они объявили своей целью «социальную революцию» (полное уничтожение капитализма и государства и замену их анархическим коммунизмом). Главными методами борьбы анархисты считали «восстание и прямое нападение, как массовое, так и личное, на угнетателей и эксплуататоров». Сотрудничество с другими революционными партиями категорически отвергалось. Кропоткин поставил на съезде вопрос о создании в России массовой анархистской партии.

Партии в действии. Каждая из партий по-своему оценивала события русской революции и в соответствии с этим старалась предсказать их исход и наметить план действий.

Уже в 1905 г. одним из первых Ленин понял, что русская революция не будет похожа на «классические» западноевропейские революции XVIII—XIX вв. И эта «непохожесть» проявится прежде всего в особой, едва ли не решающей роли пролетариата. Соответственно и социал-демократия, по мысли Ленина, должна была сыграть такую же роль. (В ее «прирожденном» праве на руководство рабочим классом Ленин сомневался так же мало, как монарх сомневается в праве на свою корону.) Однако после II съезда в партии начались шатания и ослабло руководство. Необходим новый съезд, считал Ленин, чтобы партия во всеоружии встретила надвигающиеся события.

Борьбу за созыв III съезда Ленин начал вскоре после завершения II, когда меньшевики отказались признавать диктатуру большевистского ЦК. В апреле 1905 г. эти усилия, казалось, увенчались успехом. В Лондон на III съезд РСДРП собрались представители 20 партийных комитетов. Это было меньше двух третей общего их числа.

Меньшевики, тыкая пальцем в устав, объявили съезд незаконным. Однако делегаты, присланные этими комитетами, были большевиками» И Ленин смело перешагнул через букву устава, им самим написанного.

III съезд РСДРП проходил с 12 по 27 апреля 1905 г. Именно здесь воочию обнаружилось, что среди большевиков нет лидера, равного Ленину. Он председательствовал на съезде и задавал тон при обсуждении всех вопросов. В протоколах зафиксировано около 140 его выступлений. В основу решений съезда легла ленинская теория гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Крестьянство рассматривалось как ближайший союзник пролетариата, поэтому в программу партии было внесено требование конфискации в пользу крестьянства помещичьих, удельных, казенных, церковных и монастырских земель. В отношении буржуазии была принята тактика «нейтрализации» ее колебаний (на практике это вылилось в постоянные нападки на либеральное движение).

Съезд ставил задачу путем вооруженного восстания свергнуть самодержавие и установить демократическую республику. В перспективе не исключалась возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Участники съезда настолько увлеклись, что приняли специальную резолюцию «О временном революционном правительстве». (Падение самодержавия казалось делом ближайшего будущего.) Триумф Ленина увенчался принятием предложенного им определения членства в партии, из-за которого разгорелись страсти на II съезде, и избранием большевистского ЦК.

Меньшевики, не признававшие III съезд, в мае того же года собрались на конференцию в Женеву. Они не отрицали, что рабочий класс уже занял «центральное место в русской общественной жизни», однако при этом старались не давать волю игре воображения и оставаться на почве «революционного реализма». В некоторых случаях, говорили они, не мешает немного «притормозить» слишком далеко зашедшее народное движение. И не нужно дробить силы оппозиции, предъявлять к либералам невыполнимые требования, развязывать и раздувать распри среди оппозиционных сил. Наоборот, надо добиваться их сплочения.

Как и большевики, меньшевики считали крестьянство ближайшим союзником рабочего класса и были готовы поддержать его требования земли и воли. Но многих меньшевиков смущал разгромный характер начавшегося аграрного движения, особенно в Черноземной полосе.

Особое внимание меньшевики уделяли созданию и развитию легальных форм организации городского и сельского пролетариата (профсоюзов, касс взаимопомощи, просветительных обществ). Тем самым они старались преодолеть неуправляемость и хаотичность рабочего движения, усилить его организованность в наступлении и стойкость в обороне.

В середине 1905 г. так сложилась обстановка, что вооруженное восстание против старого режима казалось неминуемо. Меньшевики, однако, полагали, что «планировать» такое восстание, готовить его в подполье — непростительная авантюра. Восстание может произойти только как стихийная вспышка народного движения, и тогда следует не отрешиваться от него, а, наоборот, помочь восставшим организовать и вооружиться. Чтобы иметь такую возможность, чтобы не оказаться в это время с пустыми руками, говорил Плеханов, социал-демократы должны заниматься не только агитационной работой, но и военно-технической. Вместе с тем меньшевики не исключали возможность мирного развития революции. Считался, например, вероятным такой вариант, что собранная правительством Государственная дума объявит себя Учредительным собранием и возьмет власть в свои руки.

В целом позиция меньшевиков была более реалистичной, но большевики были активней и целеустремленней.

«Два съезда — две партии», — писал Ленин, оценивая положение в РСДРП. По-видимому, он готов был совсем порвать с меньшевиками и сосредоточиться на подготовке вооруженного восстания. К этому времени на ряде фабрик и заводов возникли руководимые большевиками боевые дружины. Со всей серьезностью встала проблема их вооружения. С начала 1905 г. в Петербурге действовала «Боевая техническая группа», занимавшаяся изготовлением ручных бомб. После III съезда группу возглавил инженер Л.Б. Красин. Продукция готовилась на высоком техническом уровне, и впоследствии конструкция одного из запалов привлекла внимание специалистов из Главного артиллерийского управления. Похожие тайные мастерские появились и в других городах. Хотя, конечно, подобным кустарным способом нельзя было решить проблему вооружения будущих повстанцев.

Более обнадеживающими казались попытки внедриться в ряды армии и флота. К концу лета 1905 г. число армейских и флотских социал-демократических организаций выросло в 9 раз (с 3 до 27). Вскоре, однако, выяснилось, как трудно готовить и «планировать» восстания, ибо стихия народного движения ломала планы и нередко заставляла заговорщиков врасплох. Так, например, «Севастопольская матросская централка» (Центральный флотский комитет РСДРП) намечала на осень восстание Черноморского флота. Однако в июне 1905 г. оно вспыхнуло на броненосце «Потемкин», который считался в политическом отношении едва ли не самым отсталым. Это никем не запланированное восстание в значительной мере смешало планы заговорщиков.

Революция явно не укладывалась в разработанные на III съезде схемы. В городах и фабричных поселках стали возникать новые организации, не предусмотренные партийными резолюциями, — Советы рабочих депутатов. Они стали брать на себя руководство действиями пролетариата, которое, согласно марксистской науке, могло принадлежать только пролетарской партии. Среди местных большевистских деятелей росло раздражение против Советов и против меньшевиков, которые в них активно участвовали. Видные петербургские большевики Б.М. Кнунянц (Б. Радин), А.А. Богданов и другие требовали, чтобы Советы приняли программу РСДРП. Заговорили даже о возможности роспуска Советов.

Осенью 1905 г., после манифеста 17 октября, В.И. Ленин выехал в Россию. Остановившись по дороге в Стокгольме, он написал статью «Наши задачи и Совет рабочих депутатов (Письмо в редакцию)». В этой статье он писал о Советах как о «политически-руководящем революционном центре». Статья не была своевременно опубликована, и Ленин долгое время воздерживался от повторения высказанных в ней идей. По-видимому, это был тот редкий случай, когда он поддавался давлению своих соратников. Лишь в 1906 г. Ленин вернулся к идее Совета как зародыша революционного правительства, но Советов к этому времени уже нигде не было.

На практике, однако, большевики вскоре смирились с Советами и даже стали активно в них работать. В числе депутатов Петербургского совета было 40 большевиков. В ноябре 1905 г. на его заседании выступил Ленин. Но первоначально враждебное отношение к Совету ослабило влияние на него большевиков. Более половины депутатов были меньшевиками. К ним примкнул и первый председатель Совета адвокат Г.С. Хрусталева-Носарь. Особую роль в Совете играл Л.Д. Троцкий, считавшийся внефракционным социал-демократом, но тяготевший в ту пору к меньшевикам. Им принадлежала руководящая роль еще в 10 Советах (в Баку, Екатеринославе, Николаеве, Ростове-на-Дону и других городах). Однако Московский совет был преимущественно большевистским. И в провинциальных Советах влияние большевиков было значительней — 47 Советов возглавлялись большевиками или находились под их влиянием.

После ареста Петербургского совета 3 декабря 1905 г. главные события переместились в Москву. Московский совет был настроен крайне воинственно. В общем-то это отражало настроения рабочих. Московские большевики и эсеры агитировали за всеобщую забастовку, чтобы перевести ее в восстание. Правда, центральное

большевистское руководство, по-видимому, не придавало особого значения назревавшим в Москве событиям. Готовился партийный съезд в Таммерфорсе (Финляндия). Многие делегаты не смогли приехать, и вместо съезда была проведена конференция. В разгар московских событий, 12—17 декабря 1905 г., в далеком Таммерфорсе большевики обсуждали вопросы о взаимоотношениях с меньшевиками, об изменении аграрной программы и об отношении к Думе.

7 декабря в Москве началась забастовка. По городу шли демонстрации с красными флагами. Затем появились баррикады. Всего в московском восстании участвовало 1,5—2 тыс. вооруженных дружинников (600 большевиков, 300 эсеров и 250 меньшевиков).

Войска рассекли восстание на несколько очагов. Дольше всех держалась Пресня, где обороной руководили большевик З.Я. Литвин-Седой и эсер М.И. Соколов. 19 декабря Литвин-Седой отдал приказ об отходе. Горящую Пресню, оставленную дружинниками, до поздней ночи продолжала обстреливать артиллерия. Дружинники, попадавшие в руки военных, расстреливались на месте. Такая участь постигла паровозного машиниста эсера А.В. Ухтомского, который вывез из города одну из дружин. Общие потери среди гражданского населения (мирного и немирного) составили около тысячи человек. Войска потеряли 66 человек (в том числе было 40 легко раненных).

Плохо подготовленное, не имевшее единого руководства, восстание заведомо было обречено на неудачу. «Не нужно было и браться за оружие», — резонно заметил Плеханов. Наоборот, Ленин задним числом высоко оценил выступление московских рабочих, назвав его «маяком для работы нескольких поколений».

Декабрьские восстания 1905 г. (в Москве и других городах), несмотря на героизм повстанцев, принесли мало пользы. Легкая победа, одержанная старым режимом, помогла ему собраться с духом и воспрянуть. Декабрьские поражения вызвали перелом в настроении народа. Сначала это было не очень заметно, но затем стало явственно ощущаться. Революция миновала высшую свою точку.

Ни одна из революционных партий не заметила перемены в настроении народа. Все они считали, что «настоящее» восстание еще впереди. Развертывалась его военно-техническая подготовка, создавались мастерские по производству бомб, формировались боевые дружины, за границей закупалось оружие. В ноябре 1906 г., спасаясь от русских миноносцев, у берегов Румынии затонула яхта «Зора» с винтовками и пулеметами, приобретенными большевиками.

Деньги на такие закупки обычно добывались путем экспроприации. Ими занимались боевики почти всех революционных партий, но особенно усердствовали большевики. Совершались налеты на банки, почтовые отделения и почтовые поезда.

В ожидании нового восстания все революционные партии призвали к бойкоту выборов в Думу. По инициативе меньшевиков, которые первые очнулись от гипноза вооруженного восстания, на IV съезде РСДРП, в разгар думских выборов, было решено все же принять в них участие. В итоге в Первой думе возникла фракция из 18 социал-демократических депутатов. Это был немалый успех для партии, включившейся в избирательную кампанию в самый последний момент. В открытом письме к рабочим Плеханов призвал поддержать борьбу за создание правительства, ответственного перед Думой.

Оба крыла РСДРП участвовали в выборах во Вторую думу. При этом меньшевики нередко блокировались с кадетами, что резко осуждалось большевиками. Во Вторую думу было избрано 65 социал-демократов, из них 18 были большевиками. Лидером социал-демократической фракции стал 25-летний меньшевик Ираклий Церетели. Стараясь найти предлог для роспуска неугодной Думы, правительство без достаточных оснований обвинило членов социал-демократической фракции в подготовке военного мятежа. 3 июня 1907 г., совершив государственный переворот, правительство распустило Думу, изменило избирательный закон и арестовало не успевших скрыться членов социал-

демократической фракции. Они, в том числе Церетели, были приговорены к разным срокам тюремного заключения и к ссылке в Сибирь.

Предсказания наиболее проницательных социал-демократов, в том числе Ленина, об особой роли рабочего класса в русской революции в значительной мере оправдались. Но не сбылись предсказания об особой роли РСДРП, как пролетарского авангарда. Рабочий класс действовал в значительной степени стихийно, без оглядки на тех, кто пытался его возглавить. Более того, своими действиями он нередко ставил в тупик этот «авангард». В результате в ходе революции оба крыла РСДРП совершили немало промахов. И все же на революционной волне партии удалось упрочить свое положение в общественном движении. В русский политический лексикон вошли слова «большевик» и «меньшевик». Хотя Ленина, лидера большевиков, за пределами социал-демократии знали немногие. Самыми известными социал-демократами в те времена были Плеханов и Троцкий.

В 1906 г. в русских организациях РСДРП состояло примерно 70 тыс. человек. Члены партии призыва революционных лет мало разбирались в различиях между большевиками и меньшевиками. Под давлением партийных низов в РСДРП нарастали объединительные тенденции.

В апреле 1906 г. в Стокгольме собрался IV (Объединительный) съезд РСДРП. Выборы делегатов на съезд принесли разочарование сторонникам Ленина, ибо более половины мест завоевали меньшевики. Для Ленина это было тем более досадно, так как главным вопросом на съезде был пересмотр аграрной программы. Ленин, ориентируясь на будущее, отстаивал идею национализации всей земли, в том числе и надельной крестьянской. Конечно, он не собирался немедленно отнимать у крестьян их наделы. Но по действовавшему в России закону крестьянские общества, погасив выкупной долг, становились собственниками своей земли. По ленинскому же проекту они опять превращались в пользователей. Эта метаморфоза, для крестьян вначале незаметная, в дальнейшем могла сыграть роковую роль в их судьбе.

Меньшевики были против национализации земли, считая, что это непомерно укрепит государство и превратит его в единственного земельного собственника. Вместе с тем усилится и правящая бюрократия, которая и без того получила в России чрезмерное развитие. Меньшевистский теоретик, известный экономист П.П. Маслов выдвинул идею муниципализации земли. Его программа, поддержанная Плехановым, предусматривала конфискацию всех крупных имений и передачу их в распоряжение низовых органов местного самоуправления, избранных на демократической основе. Бурные дебаты завершились принятием программы муниципализации. Съезд распустил фракцию большевиков и меньшевиков и избрал единый ЦК, в который вошли 3 «бывших» большевика и 7 «бывших» меньшевиков.

Решения съезда, конечно, не могли удовлетворить Ленина, и вскоре между «бывшими» фракциями вновь разгорелись жаркие споры. Не смирившись с переходом ЦК в руки меньшевиков, Ленин добился созыва внеочередного съезда.

V съезд РСДРП проходил в Лондоне в мае 1907 г. На этот раз большевики имели шаткое большинство. Но меньшевики неплохо владели приемами парламентской борьбы. Съезд увяз в дебатах и продолжался до тех пор, пока не иссякли средства на его проведение. В итоге большевикам все же удалось провести резолюции о Думе (внедумская работа депутатов считалась основной, а Думу предлагалось использовать только для антиправительственной агитации) и о партиях (осуждались всякие соглашения с либеральными партиями). Меньшевики отчасти взяли реванш, добившись принятия резолюции с осуждением экспроприации. Ленин уклонился от голосования по этому вопросу, хотя было известно его одобрительное отношение к «эксам». В избранный съездом ЦК вошли 13 человек (большевики, меньшевики, польские и латышские социал-демократы) — в основном второстепенные деятели. По-видимому, обе фракции вновь

взяли курс на «развод». Там же, в Лондоне, большевики образовали свой руководящий центр во главе с Лениным.

Очень извилистый путь в годы первой русской революции прошла партия эсеров. Основой в ее деятельности продолжала оставаться тактика индивидуального террора. 4 февраля 1905 г. И.П. Каляев убил дядю царя, великого князя Сергея Александровича. В августе 1906 г. З.В. Конопляникова застрелила генерала Г.А. Мина, командира Семеновского полка, подавлявшего московское восстание. Несколько безуспешных покушений было совершено на жизнь Ф.В. Дубасова. Всего за годы революции эсеры совершили около 200 террористических актов.

Эсеровские агитаторы, направленные в деревню, призывали к «аграрному террору» (к поджогам и разгромам помещичьих усадеб, порубкам в барских лесах и т.п.). Эсеры создали целую сеть крестьянских братств (всего более полутора тысяч) и подтолкнули не одно крестьянское восстание. Однако организовать всеобщее восстание в деревне эсерам не удалось.

Расширилась деятельность эсеров среди рабочих. Особенно податливы их влиянию были рабочие, еще не успевшие порвать связь с землей, — прежде всего текстильщики. Московская Прохоровская мануфактура стала настоящей эсеровской цитаделью.

Эсеровские рабочие дружины и крестьянские братства нуждались в вооружении. Закупка его за рубежом и переправка в Россию требовали больших денег. Пытаясь решить эту проблему, некоторые эсеры проявили неразборчивость в средствах.

В конце августа 1905 г. близ побережья Финляндии натолкнулся на камни и разбился пароход «Джон Графтон» с оружием и боеприпасами, предназначавшимися для польских социалистов, финских боевиков, эсеров и большевиков. Подготовку операции осуществляли лидер финской партии «активного сопротивления» К. Зиллиакус, эсеры Н.В. Чайковский и Ф.В. Волховский. Эсеровское руководство вполне могло догадаться, откуда у этих троих появились деньги на закупку оружия и снаряжение судна, но предпочитало ни о чем не знать, ибо деньги были получены от японского военного агента в Стокгольме полковника М. Акаши.

С другой, однако, стороны, Волховский и Чайковский действовали явно на свой страх и риск. В эсеровской партии по-прежнему была слаба дисциплина. Центральный комитет состоял из 30—40 человек, никто не помнил полностью его состав и с ним не считался. В «дни свободы» переехав в Россию, эсеровский ЦК разделился на Петербургское и Московское отделения, которые нередко издавали противоречивые распоряжения.

I съезд партии эсеров проходил на рубеже 1905—1906 гг. На нем были официально одобрены программа партии, написанная В.М. Черновым, и партийный устав, в соответствии с которым избран ЦК из пяти человек. Между съездами мог созываться Совет партии, состоявший из членов ЦК и представителей областных и столичных комитетов. Совет партии мог отменять решения ЦК. В период революции численность партии эсеров достигла 50—60 тыс. человек.

Новый ЦК попробовал подтянуть дисциплину, но натолкнулся на мощное сопротивление. Перешла в оппозицию и вышла из повиновения почти вся московская организация. Расколы происходили и в других организациях. Эсеровские «диссиденты» называли себя максималистами. Политика ЦК казалась им оппортунистической, вялой и непоследовательной. Они считали, что социалистический строй можно ввести немедленно, если решительно бороться против самодержавия и эксплуататорских классов. Поэтому максималисты почти не занимались агитацией, не входили в легальные организации (профсоюзы, кооперативы и пр.), а сосредоточились на индивидуальном терроре и экспроприациях. Признанным лидером максималистов был М.И. Соколов, один из руководителей декабрьского восстания в Москве.

В октябре 1906 г. в Або (Финляндия) состоялась 1-я учредительная конференция «Союза максималистов». Но еще до конференции они заявили о себе рядом громких дел.

В марте 1906 г. группа боевиков во главе с В.В. Мазуриным совершила налет на Московское общество взаимного кредита и захватила 875 тыс. руб. 12 августа была взорвана дача министра внутренних дел на Аптекарском острове в Петербурге. Покушение было произведено в приемные часы, поэтому число жертв оказалось большим (27 человек убитых, в том числе три террориста). Столыпин не пострадал, но среди раненых были его дети. «Я вполне удовлетворен, — заявил Соколов, присутствовавший при покушении. — Эти «человеческие жертвы»? Свара охранников, их стоило перестрелять каждого в отдельности... Дело не в устранении [Столыпина], а в устрашении, они должны знать, что на них идет сила».

Полиция развернула настоящую охоту на максималистов. Начались аресты и казни. 1 сентября 1906 г. был повешен Мазурин, 2 декабря — Соколов. К концу революции от «Союза максималистов» остались разрозненные, рассеянные по стране маленькие группы.

В отличие от максималистов, эсеровское руководство старалось сочетать легальные и нелегальные методы борьбы. Правда, выборам в Первую думу был объявлен бойкот. Позднее, убедившись в ошибочности этого решения, эсеры попытались установить контакты с думской Трудовой группой. Эти попытки были не очень успешны.

После роспуска Первой думы в июле 1906 г. эсеры, имевшие сильные организации в армии и на флоте, подтолкнули военные мятежи в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле. Замысел состоял в том, чтобы окружить Петербург кольцом восстаний и принудить правительство к капитуляции. Но власти быстро справились с положением. Восстания были подавлены, после чего последовали многочисленные казни.

Во Вторую думу эсеры провели 37 своих представителей — гораздо меньше, чем социал-демократы и трудовики. Эсеровская группа внесла на рассмотрение Думы проект социализации земли и пыталась его отстаивать, но большого успеха не имела. В целом же во Второй думе эсеры ничем себя не проявили. Тактика парламентской борьбы и техника законодательной работы требовали совсем других навыков.

В истории Первой думы не очень заметную, но существенную роль сыграла небольшая группа учеников Н.К. Михайловского, сплотившихся вокруг петербургского журнала «Русское богатство» (Н.Ф. Анненский, В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов и др.). Поняв, что крестьяне настроены на мирную реформу, с передачей в их руки основной части помещичьей земли, но без всеобщего «поравнения» и всеобщей земельной перетряски, они помогли крестьянским депутатам объединиться в «Трудовую группу» и составить проект аграрной реформы, который стал известен как «проект 104-х».

В период подготовки к выборам во Вторую думу группа «Русского богатства» создала легальную крестьянскую партию. В ноябре 1906 г. состоялась 1-я конференция Трудовой народно-социалистической партии. Ставя своей целью переход к социализму, народные социалисты (энесы) отрицали необходимость пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Они считали, что социализм вызревает в недрах капитализма подобно тому, как последний вызрел в недрах феодализма. Делая ставку на мирный, эволюционный путь развития, энесы призывали сосредоточиться на ближайших, неотложных проблемах. Самую насущную из них, аграрную, они считали возможным разрешить путем ряда целенаправленных государственных мер, включая выкуп крупных поместий. Другой важнейшей задачей, по их мнению, являлась демократизация государственного строя. В связи с этим в программе партии говорилось о переходе к «народовластию». Энесы не стали выдвигать требование демократической республики, опасаясь, что крестьянство его не поймет и не поддержит.

Энесам, однако, не удалось создать широкую крестьянскую партию. На рубеже 1906—1907 гг. в их рядах насчитывалось 56 местных групп и 1,5—2 тыс. членов (городские интеллигенты, земские служащие и очень мало крестьян). Во Вторую думу энесы провели лишь 16 своих представителей, однако аграрный проект, внесенный от имени «Трудовой группы», в общих чертах воспроизвел прежний «проект 104-х», к которому в свое время приложили руку энесовские лидеры.

В годы первой русской революции под черными знаменами анархизма объединялось около 5 тыс. человек. В некоторых городах (Белостоке, Екатеринославе, Одессе, Житомире и др.) появились крупные федерации анархистов (до 150— 200 человек), состоявшие из разветвленной сети кружков.

Главным течением в анархизме оставался анархо-коммунизм, связанный с идеями П.А. Кропоткина. Он призывал своих сторонников к широкому участию в народном революционном движении и предостерегал от излишнего увлечения экспроприациями. В резолюции II съезда анархистов в Лондоне (сентябрь 1906 г.) содержался призыв «строго беречь нравственный облик, с которым русский революционер всегда являлся перед русским народом». Анархисты участвовали во многих народных восстаниях, в том числе и в боях на Пресне в декабре 1905 г.

Кропоткину, однако, не удалось сохранить единство среди анархистов-коммунистов и чистоту их рядов. Вскоре из них выделилось особое течение «безначальцев», для которых главным средством борьбы были террор и грабежи, они отрицали все нравственные устои общества. Появились «безмотивные террористы», которые считали себя вправе нападать на любого «эксплуататора». Некоторые наиболее дерзкие анархистские боевики превратили грабежи предпринимателей и торговцев в свое постоянное занятие. Только несовершеннолетие позволило Нестору Махно избежать виселицы. В ряде мест между группами анархистов вспыхивали перестрелки и поножовщины. Такого рода выступления, вплетаясь в общий ход революционного движения, сильно его компрометировали.

Синдикалистское течение, выделившееся в анархизме, имело по преимуществу мирный характер. Видным его представителем был В.А. Поссе, стремившийся соединить синдикализм с кооперативным движением. Под его руководством в Петербурге было создано потребительно-производственное объединение «Трудовой союз» — легальная организация, охватившая 8,5 тыс. рабочих.

Особым направлением в анархизме было толстовство. Л.Н. Толстой отвергал государство, но в то же время призывал к непротивлению злу насилием, сурово осуждал и революционеров, и правительство.

Революция 1905—1907 гг. вывела на сцену общественной борьбы и показала в действии все политические партии и течения тогдашней России, в том числе и социалистической ориентации. Многие революционеры искренне и бескорыстно отдавали все свои силы и даже жизни тому делу, в которое они свято верили.

Но тогда же, в годы революции, в социалистическом движении обнаружились теневые стороны и явные слабости. Первые заключались прежде всего в готовности заплатить любую, в том числе и непомерно высокую цену за воплощение в жизнь чьих-то кабинетных планов идеального общественного устройства. По сравнению с этими грандиозными замыслами любая человеческая жизнь в глазах мечтателей ничего не стоила. Жертвуя собой, они также легко жертвовали и чужими жизнями. Отсюда же проистекала и их неразборчивость в средствах, доходившая до сговора с агентами иностранной державы, ведущей войну с Россией. Разумеется, сказанное относится не ко всем социалистам.

А вот главная их слабость, пожалуй, была общей. Как и другие политические партии тогдашней России, социалисты с трудом прорастали в народную толщу, особенно в толщу крестьянства.

* * *

Резкий спад общественного движения после революции, неослабевающие полицейские репрессии поставили в кризисное положение все партии социалистической ориентации. Вновь отправились в эмиграцию партийные вожди и их ближайшие помощники. Рвались связи между центральными органами и местными организациями, многие из которых перестали существовать. Некоторые их члены оказались в тюрьмах и

ссылках, другие отшатнулись от революции, ушли в частную жизнь. Самая многочисленная из социалистических партий, РСДРП, уменьшилась примерно в семь раз.

Правда, несмотря на изменения, внесенные в избирательный закон 3 июня 1907 г., социал-демократам удалось провести в Третью думу 19 депутатов. Руководящую роль в социал-демократической фракции играли меньшевики Н.С. Чхеидзе и Е.П. Гегечкори. Н.Г. Полетаев, возглавлявший большевистское крыло, поддерживал связь с В. И. Лениным. Социал-демократы видели свою задачу в использовании думской трибуны только для критики правительства, поэтому голосовали подряд против всех законов.

Среди большевиков не утихали споры по поводу работы социал-демократической фракции в Третьей думе. Некоторые наиболее горячие головы считали, что социал-демократы роняют свое достоинство, участвуя в таком «реакционном» парламенте, как Третья дума. Они требовали отозвать фракцию из Думы, покинуть все легальные организации и сосредоточиться на подпольной работе. К «отзовистам» примыкали «ультиматисты». Считая тактику думской фракции слишком «оппортунистической» (недостаточно революционной), они требовали предъявить ей «ультиматум», а в случае невыполнения его — отозвать фракцию. Среди «ультиматистов» оказались такие видные большевики, как А. А. Богданов, М.Н. Лядов, А. В. Луначарский.

В. И. Ленин понимал, что время работы в глухом подполье далеко позади, а потому настаивал на сочетании легальных и нелегальных форм борьбы. Причем легальные организации (профсоюзы, кассы взаимопомощи и пр.) большевики старались предельно политизировать и превратить в «крышу» для подпольной работы. В конце концов Ленину удалось изолировать «отзовистов» и «ультиматистов», объединившихся в группу «Вперед». В 1912 — 1913 гг. эта группа фактически распалась.

Одновременно, играя на противоречиях, возникших в меньшевистской среде, Ленин попытался отсечь от социал-демократии одну из меньшевистских фракций и растворить в большевизме другую. Такую цель преследовала партийная конференция в Праге в январе 1912г. Правда, на нее явились далеко не все приглашенные. Зато она прошла столь же дружно и под диктовку Ленина, как и III съезд РСДРП. Меньшевики-«ликвидаторы» (сторонники свертывания нелегальной партийной работы) были исключены из партии, однако с этим не согласились меньшевикн-«партийцы» во главе с Плехановым — недавние противники «ликвидаторов». Поэтому в общем-то ленинский план не удался. Но с этого времени большевики и меньшевики окончательно разъединились.

К 1912 г. большевики уже оправались от послереволюционного потрясения, и ветер удачи вновь стал наполнять их паруса. В стране начался промышленный подъем. В города хлынула новая волна выходцев из деревни. Неустроенные, плохо знакомые с городской жизнью, они составляли самый беспокойный элемент и легко откликались на большевистскую пропаганду. В массе пришельцев тонули интеллигентные рабочие, являвшиеся социальной опорой меньшевизма. Большевистская газета «Правда», издававшаяся с 1912 г., и в Петербурге и в Москве доминировала над меньшевистским «Лучом». Чувствуя усиление своих позиций, большевистские лидеры рвали все организационные связи с меньшевиками. В 1912 г. в Четвертую думу было избрано 7 меньшевиков и 6 большевиков, которые первоначально образовали единую фракцию. На следующий год большевистская «шестерка» выделилась в отдельную фракцию.

«Ликвидаторское» течение в социал-демократии оформилось сразу же после окончания революции, а затем широко распространилось среди меньшевиков. «Ликвидаторы» считали, что третьеиюньский переворот не упразднил всех завоеваний революции и не вернул страну к старым порядкам. Более или менее свободно выходила оппозиционная пресса, действовала Дума, существовали профсоюзы, фактическую легализацию получили забастовки. В таких условиях, по мнению «ликвидаторов», партия должна выходить из подполья, отказываться от нелегальной работы, идти в профсоюзы, кооперативы, Думу, отстаивать в них интересы рабочего класса, учиться действовать в

рамках законности — и учить этому рабочих. Идейными центрами «ликвидаторского» течения были московский журнал «Возрождение» и петербургский «Наша заря». Меншевицско-«ликвидаторскую» окраску приобрели два больших журнала «Образование» и «Современный мир», игравших заметную роль в литературной жизни тех лет. В числе «ликвидаторов» оказались видные меньшевицские лидеры — П.Б. Аксельрод А.Н. Потресов, Ф.И. Дан, В.О. и С.О. Цедербаумы (братья Ю.О. Мартова).

Сравнительно малочисленные меньшевики-«партийцы» группировались вокруг Г.В. Плеханова, который в эти годы резко разошелся с некоторыми бывшими соратниками. Сторонники Плеханова настаивали на сохранении нелегальных организаций и революционного подполья. Мартов старался примирить обе спорящие стороны и преодолеть возникшее разделение. Считая, что государственные преобразования в России зашли не очень далеко и фактически остановились, он говорил о неизбежности новой буржуазно-демократической революции. В связи с этим он полагал преждевременным полный отказ от нелегальных организаций и революционных форм борьбы, но призывал полностью отказаться от экспроприации и других подобных действий.

Таким образом, в послереволюционные годы в меньшевицском руководстве произошли перестановки. Плеханов, наиболее авторитетный лидер, обособился с небольшой группой своих приверженцев. Мартов же, второй по влиятельности руководитель, занял центральное положение. С большим трудом он сумел удержать меньшевиков, хотя бы формально, в рамках одной партии. Не удалось, однако, исполнить свою мечту — создать в России на основе меньшевицкого течения широкую, демократически организованную рабочую партию по западноевропейскому образцу. Кризис в партии меньшевиков продолжался и в годы нового революционного подъема на фоне усиления большевиков.

Третьеиюньский государственный переворот партия эсеров восприняла как полный возврат к старому строю. В связи с этим было решено бойкотировать выборы в Третью думу и усилить боевую работу, однако эсеров вскоре постигла катастрофа.

В конце 1908 г. был разоблачен провокатор Е.Ф. Азеф, один из основателей партии и руководитель ее «Боевой организации».

ЦК партии долго отказывался признать, что Азеф — провокатор. Убедил его только сам Азеф, скрывшийся неизвестно куда. Самым непонятным было то, что отнюдь не все покушения, организованные Азефом, кончались провалом. Достаточно вспомнить убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича. Существует версия, что оба были убиты по сговору Азефа с начальником заграничной агентуры П.И. Рачковским.

И в последующие годы охранка продолжала засылать своих агентов в революционные партии. Особым вниманием стали пользоваться большевики. Агенты полиции были в числе социал-демократических депутатов Третьей и Четвертой думы, в редакции «Правды». Один из провокаторов, Р.В. Малиновский, стал членом большевицкого ЦК.

После провала Азефа эсеры попытались возродить свою «Боевую организацию», но безуспешно. Фактически партия прекратила индивидуальный террор. Аграрный террор прекратился сам собой — вместе с резким спадом крестьянского движения и началом столыпинской аграрной реформы. Партия оказалась в жесточайшем кризисе. Постепенно, однако, в ней стало зарождаться более реалистическое направление, связанное с деятельностью таких видных эсеров, как Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков, С.Н. Слётов. Они высказывали сомнения в целесообразности террора и предлагали сосредоточиться на легальной деятельности — в профсоюзах, в бурно развивавшейся в эти годы крестьянской кооперации.

После окончания революции происходил процесс быстрого распада и разложения анархистских групп и организаций. В стране орудовали шайки грабителей («Кровавая рука», «Лига красного шнура», «Черные вороны», «Мстители» и др.), выдававшие себя за «идейных» анархистов. С другой стороны, настоящие анархистские организации быстро

исчезали. Если в 1908 г. действовало 108 групп анархистов в 83 населенных пунктах, то в 1909 г. их насчитывалось уже 57 в 44 городах, в 1910г. — 34 группы, в 1911 г.— 21, в 1912 г.— 12, в 1913 г. — 9 и в 1914 г. — 7 групп. Накануне войны группы анархистов сохранились в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Харбине и других городах. Активно действовала анархистская эмиграция. В конце 1913 г. в Лондоне прошла конференция анархистов-коммунистов. Таким образом, анархистское движение в России полностью не сошло на нет и сохраняло шансы возродиться в условиях нового обострения внутривнутриполитической обстановки.

В первую мировую войну Россия вступила с грузом нерешенных проблем, с назревающим революционным кризисом. Однако в первые месяцы войны наблюдалась небывалая консолидация русского общества. Почти совершенно прекратились забастовки. В столицах и других городах прошли патриотические манифестации. Крестьянские общества принимали решения собрать урожай для тех семейств, из которых все работники ушли в армию.

26 июля 1914 г. состоялась чрезвычайная сессия Четвертой думы. Обсуждая военный бюджет, депутаты и министры продемонстрировали редкое единодушие. От имени «Трудовой группы» с призывом отстоять русскую землю и культуру от германского нашествия выступил А.Ф. Керенский. Только две социал-демократические фракции заняли иную позицию. В совместном заявлении большевиков и меньшевиков говорилось, что ответственность за войну «несут правящие круги всех воюющих стран». В декларации содержался призыв к «международной солидарности трудящихся всего мира». В момент голосования за военные кредиты социал-демократы вышли из зала.

В.И. Ленин одобрил этот демарш, но декларацию счел недостаточно четкой и последовательной. Он пришел к выводу, что война с обеих сторон носит империалистический, захватнический характер. Поэтому, утверждал Ленин, надо бороться за превращение империалистической войны в гражданскую, за то, чтобы солдаты повернули штыки в другую сторону и пошли против собственной буржуазии. Тогда же Ленин выдвинул очень рискованный лозунг поражения своего правительства.

Попытки Ленина вынести свои идеи на арену международного социалистического движения большого успеха не имели. Ему удалось найти общий язык лишь с некоторыми крайне левыми социалистическими группировками в нейтральных странах. Но в большевистской партии ленинские идеи господствовали безраздельно.

2 ноября 1914 г. в Озерках, близ Петрограда, состоялось совещание большевиков, в котором участвовали пятеро членов Четвертой думы (А.Е. Бадаев, М.К. Муранов, Г.И. Петровский, Ф.Н. Самойлов и Н.Р. Шагов), а также представитель ЦК Л.Б. Каменев (Розенфельд). Нагрянула полиция и захватила документы. В условиях войны депутатский иммунитет не помог. 10—13 февраля 1915 г. состоялся суд. Пятеро депутатов держались мужественно, а Каменев, опасаясь смертного приговора, начал отрещиваться от лозунгов своей партии. Все подсудимые были приговорены к ссылке в Сибирь.

Совершенно иную позицию по вопросу о войне занял Г.В. Плеханов. Считая Германию зачинщицей и главной виновницей войны, он призывал рабочий класс «всеми силами, всем сердцем и всем помышлением» поддержать вооруженную борьбу с прусским юнкерством. Военное поражение, писал он, превратит Россию в германскую колонию. Такие же мысли высказывал вождь анархистов П.А. Кропоткин. Некоторые меньшевики заняли более осторожную позицию. А.Н. Потресов выдвинул иную, более нейтральную формулу - «непротиводействие войне». С правительством нам не по пути говорили меньшевики, но мешать ему вести войну мы не будем.

На позициях, близких к ленинским, в ту пору оказался лидер эсеров В.М. Чернов, хотя далеко не вся партия разделяла его воззрения. Например, С.Н. Слётов поступил добровольцем во французскую армию и пал на полях сражений.

Внутри страны в эти годы большевики и эсеры находились в глубоком подполье, а меньшевики старались продолжать свою деятельность в оставшихся еще профсоюзах,

кассах взаимопомощи, в легальной печати. В отличие от большевиков и эсеров, меньшевики не отказались от выборов в «рабочие группы» военно-промышленных комитетов. К февралю 1917 г. такие группы были созданы в 58 городах и рабочих поселках. В некоторых городах (Харькове, Баку, Нижнем Новгороде, Саратове) рабочие под влиянием большевистской агитации отказались участвовать в выборах.

Председателем «рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комитете стал рабочий телефонного завода, меньшевик К.А. Гвоздев. «Рабочие группы» вели значительную работу на фабриках и заводах, стараясь улаживать трудовые конфликты и в меру сил защищая интересы трудового народа. Слишком часто они, однако, наталкивались на непонимание и противодействие со стороны властей, предпринимателей и большевистски настроенных рабочих. Февральскую революцию 1917 г. Гвоздев и его товарищи встретили в Петропавловской крепости.

Партии социалистической ориентации были важной составной частью спектра политических сил в России в начале XX в. Сужение или расширение этой части мало зависело от интенсивности полицейской деятельности, которая оставалась более или менее постоянной величиной. Гораздо сильнее действовали другие факторы. Общенациональный кризис, доведенный правительством до социального взрыва (как, например, в 1905 г.), вызывал резкое увеличение красной части спектра. Очередной виток индустриализации и урбанизации (в конце XIX в., перед мировой войной или во время ее) делал красный цвет более интенсивным. И наоборот, в период сравнительно спокойный, свободный от таких драматических перемен (как в первые послереволюционные годы), красная полоса суживалась и заметно желтела.